

Детективные истории

Автор:
Мария Марцева

Тайна антикварного самовара

Улики

Не
продаётся!

Дело №18

- Мотив
- Улики
- Подозреваемые

Мария Марцева

**Детективные истории. Тайна
антикварного самовара**

«Автор»

2026

Марцева М.

Детективные истории. Тайна антикварного самовара /
М. Марцева — «Автор», 2026

Десять захватывающих детективных историй под одной обложкой! Скромная учительница французского покупает на блошином рынке старинный самовар и находит внутри карту к спрятанным в войну сокровищам. Цветочнице подбрасывают канарейку, чьё пение оказывается зашифрованным посланием контрабандистов. Учительница музыки получает в наследство особняк, где обитает... шиншилла-миллионерша. А столичную журналистку отправляют писать о фестивале варенья, который оборачивается убийством! В каждой истории — обаятельная героиня, которая волей случая становится сыщиком: бухгалтер, костюмер, пекарь, библиотекарь. Им помогают верные питомцы, смыслённые подростки и галантные спутники. А злодеев ждёт справедливое разоблачение! Иронический детектив, уютная атмосфера, неожиданные повороты и обязательно светлый, тёплый финал. Идеальное чтение для отдыха! Если вы любите детективы — этот сборник для вас. Десять дел, десять разгадок, десять счастливых развязок ждут вас!

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тайна антикварного самовара	5
Глава 1. Покупка на блошином рынке	5
Глава 2. Незваные гости	9
Глава 3. Потомок коллекционера	13
Глава 4. Усадебные приключения	17
Глава 5. Сокровище и предатель	20
Канарейка под прикрытием	22
Глава 1. Неожиданная посылка	22
Глава 2. Цветочный шантаж	25
Глава 3. След ведёт в консерваторию	28
Глава 4. Ночь в архиве	31
Глава 5. Ария финала	33
Шиншилла мадам Боржоми	35
Глава 1. Странное завещание	35
Глава 2. Покушение на грызуна	39
Глава 3. Подозрительный садовник	42
Глава 4. Тайна старой беседки	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мария Марцева

Детективные истории. Тайна антикварного самовара

Тайна антикварного самовара

Глава 1. Покупка на блошином рынке

Утро субботы выдалось на редкость гадким. Серое небо висело над Москвой, словно несвежая простыня, которую забыли снять с веревки, а мелкий противный дождик сыпался так лениво, будто и сам не понимал, зачем поднялся в такую рань.

Я, Розалия Курбатова, преподавательница французского языка с двадцатипятилетним стажем, в этот неприветливый час стояла перед зеркалом и придирчиво разглядывала собственное отражение. Из глубины стекла на меня смотрела дама пятидесяти лет — пухленькая, румяная, с круглым лицом и вечно растрепанными кудряшками, которые не желали укладываться ни в какую прическу, как бы я ни старалась.

— Ну что, Розочка, — сказала я сама себе, — пора на охоту.

Дело в том, что вот уже третий год я страдаю одной нелепой, но абсолютно неизлечимой болезнью. Называется она — страсть к блошиным рынкам. Началось все безобидно: подруга Лидия Семеновна, учительница истории из соседней школы, затащила меня однажды на барахолку в Измайлово, и с тех пор каждую субботу я, как намагниченная, тянусь туда, где среди гор хлама можно отыскать настоящее сокровище.

Муж мой, Кирилл, упокой Господь его душу, при жизни называл это «таскать в дом всякую дрянь». Он терпеть не мог мои находки и ворчал, что квартира скоро превратится в музей ненужных вещей. Но Кирилл вот уже пять лет как почил, а привычка моя осталась, и теперь некому было меня одергивать.

Я натянула непромокаемый плащ цвета мокрого асфальта, нацепила резиновые сапоги — на барахолке после дождя такая грязь, что хоть пляши, — и отправилась навстречу приключениям, еще не подозревая, что они окажутся куда более захватывающими, чем мне бы хотелось.

Блошиный рынок в это утро был полупустой. Дождь распугал и продавцов, и покупателей, так что лишь самые отчаянные энтузиасты топтались под навесами, перебирая чужой скарб. Я медленно брела вдоль рядов, поглядывая то на шербатые фарфоровые статуэтки, то на потускневшие подсвечники, то на стопки старых открыток, перевязанных бечевкой.

— Мадам, не желаете часики? — окликнул меня старичок в кепке, протягивая будильник без стрелок. — Антиквариат! Чистая Швейцария!

— Спасибо, голубчик, у меня уже есть, — вежливо отказалась я и двинулась дальше.

И вот тут-то я его и увидела. Он стоял на самом краю прилавка, отодвинутый в сторону, словно стыдился показаться на люди. Старинный тульский самовар. Пузатый, важный, с потемневшими от времени боками, на которых, если присмотреться, проступали затейливые узоры и какое-то клеймо. Он был чудо как хорош, несмотря на пыль и пятна зелени на меди.

Сердце мое екнуло, какой самовар... вы его только что купили? — спросил он, глотая слова.

— Купила, — подтвердила я, на всякий случай покрепче прижимая покупку. — А что такое?

— Продайте мне его! Я дам вдвое! Втрое! — Незнакомец полез в карман за бумажником. — Понимаете, это семейная реликвия, она по ошибке попала на рынок, я ее искал...

Что-то в его глазах мне не понравилось. Бегали они как-то нехорошо, и в голосе слышалась не печаль о потерянной реликвии, а самая настоящая жадность, перемешанная со страхом.

— Извините, голубчик, — твердо сказала я, — но самовар мне самой приглянулся. Не продается.

— Вы не понимаете! — Он повысил голос, и в нем прорезались визгливые нотки. — Отдайте по-хорошему!

— А вот это вы зря, — нахмурилась я. — Грубостью вы у меня ничего не выторгуете. Всего доброго!

И я гордо прошествовала к воротам, оставив странного типа стоять под дождем. Уже садясь в маршрутку, я заметила, как он что-то быстро говорит по телефону, отчаянно жестикулируя. Тогда я не придавала этому значения. Мало ли чудачков на свете.

Ах, если бы я только знала!

Дома я первым делом поставила чайник — после такого утра требовалось согреться. Кошка Матильда, рыжая нахалка, встретила меня недовольным мявом, требуя завтрак. Накормив животину, я налила себе чаю с малиновым вареньем и принялась рассматривать обновку.

Самовар оказался еще лучше, чем я думала. Под слоем грязи и патины обнаружилось прелестные чеканные узоры — виноградные лозы, переплетенные с диковинными цветами. На боку красовалось клеймо: «Братья Баташевы. Тула». Я ахнула. Баташевские самовары ценились высоко, это я знала точно. Похоже, я отхватила настоящее сокровище за сущие копейки!

— Ну, Матильда, — обратилась я к кошке, — будем приводить красавца в порядок.

Я достала пасту для чистки меди, старую зубную щетку, тряпочки и засучила рукава. Работа предстояла кропотливая, но я ее обожала. Есть особое удовольствие в том, чтобы своими руками вернуть старой вещи былую красоту.

Час я провозилась, оттирая зелень и грязь, и самовар постепенно начал светлеть, заиграл благородным золотистым блеском. Покончив с боками, я взялась за внутренности. Открыла крышку, заглянула внутрь — и оттуда пахнуло затхлостью и пылью веков.

— Фу, — поморщилась я и сунула внутрь руку с тряпкой.

И тут пальцы мои нащупали что-то непонятное. Что-то твердое и шуршащее, плотно прижатое к стенке. Я попыталась подцепить это ногтем, но не вышло. Тогда я взяла длинную вилку и принялась орудовать ею внутри самовара, как заправский хирург.

Наконец загадочный предмет поддался, и я с торжеством извлекла его на свет божий.

Это оказался сверток. Пожелтевшая, хрупкая бумага, свернутая в тугую трубочку и перевязанная истлевшей бечевкой. Дрожащими от волнения руками я положила находку на стол.

— Матильда, ты только посмотри, — прошептала я. — Это же клад! Самый настоящий!

Кошка равнодушно зевнула и отвернулась. Ну и пусть, мещанка рыжая, не способна оценить великий миг.

Я осторожно развязала бечевку — она рассыпалась прямо в пальцах. Бумага была старой, очень старой, и я боялась, что она раскрошится, едва я ее разверну. Затаив дыхание, я начала медленно разворачивать сверток.

Внутри оказались два предмета. Первый — сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Я развернула его и увидела... карту. Самую настоящую карту, нарисованную от руки выцветшими чернилами. На ней были обозначены какие-то дороги, лес, река и большое здание с пометкой в виде креста. По краям шли надписи, но разобрать их я не смогла — то ли от времени стерлись, то ли почерк был неразборчивый.

Второй предмет оказался письмом. Тонкий листок, исписанный мелким аккуратным почерком. Я поднесла его к глазам и обомлела: текст был написан на немецком языке!

Сердце мое заколотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Немецкий язык, старая карта, тайник в самоваре... Дело пахло чем-то невероятным.

К счастью, кроме французского, я немного владела и немецким — в институте учила как второй язык, да и потом подрабатывала переводами. Знания мои подзаржавели, но кое-что я еще помнила.

Я нацепила очки и склонилась над письмом. Буквы прыгали перед глазами, выцветшие чернила сливались с пожелтевшей бумагой, но мало-помалу я начала разбирать слова.

«...мая 1943 года... — читала я по складам, переводя в уме. — Дорогой Генрих... обстановка ухудшается... мы вынуждены отступить... ценности, которые я обнаружил в усадьбе... спрятаны в надежном месте... карта укажет путь... иконы... бесценная коллекция... сохрани это... после войны...»

Дальше шла размытая строчка, которую я так и не смогла прочесть, а в самом низу стояла подпись — неразборчивый росчерк и инициалы «К. Ш.».

Я откинулась на спинку стула, ошеломленная. Иконы! Бесценная коллекция! Спрятанная в войну немецким офицером! И карта, указывающая путь к тайнику!

Так вот почему тот странный тип на рынке так рвался заполучить самовар! Он наверняка знал про спрятанное письмо и карту. А может, и сам охотился за сокровищем!

— Боже мой, Матильда, — пробормотала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Кажется, я вляпалась в историю.

Кошка, словно почуяв мое волнение, прыгнула с подоконника и потерлась о мою ногу. Я машинально погладила ее, не сводя глаз с карты и письма.

Здравый смысл подсказывал, что нужно немедленно отнести находку в полицию или в какой-нибудь музей. Это ведь дело государственной важности! Военные тайны, спрятанные ценности... Но другая моя половина, та самая, что таскала меня каждую субботу на блошинный рынок и заставляла сердце трепетать при виде старой рухляди, нашептывала совсем иное.

«А что, если самой во всем разобраться? — шептала она. — Подумай, Розочка, какое приключение! Ты найдешь спрятанные сокровища, прославишься, о тебе напишут в газетах!»

— Глупости, — сказала я вслух, пытаюсь урезонить саму себя. — Какие сокровища, какие газеты. Я обычная учительница французского, а не сыщица.

Но карта лежала передо мной, маня и притягивая, и я уже знала, что не устою.

В этот момент в дверь позвонили. Я вздрогнула и едва не опрокинула чашку с остывшим чаем. Кто бы это мог быть в такой час? Гостей я не ждала.

Сердце снова заколотилось. А вдруг это тот тип с рынка? Вдруг он выследил меня и пришел за самоваром?

Я на цыпочках подкралась к двери и заглянула в глазок. На лестничной площадке стоял мальчишка лет десяти — соседский Тимоша, сын Веры Павловны с пятого этажа. Я выдохнула с облегчением и открыла дверь.

— Теть Роза, здрасьте! — затараторил мальчуган. — Мама просила соли одолжить, а то у нас кончилась, а магазин закрыт!

— Заходи, Тимоша, заходи, — улыбнулась я, впуская гостя.

Тимоша был мальчишкой смышленным и любопытным. Едва переступив порог, он сразу же заметил начищенный самовар на столе.

— Ух ты, какой красивый! — восхитился он. — Это вы где такой раздобыли?

— На рынке купила, — ответила я, отправляясь за солью.

Когда я вернулась с пакетиком, Тимоша уже вертел в руках карту, разглядывая ее со всех сторон.

— А это что? Тоже из самовара? — спросил он. — Ой, а тут написано чего-то непонятное!

— Положи, положи, это старинная вещь, — забеспокоилась я и аккуратно забрала у него находку. — Вот, держи соль, и беги к маме.

Но Тимоша уходить не спешил. Глаза его горели любопытством.

— Теть Роза, а это что, клад? Настоящий? — зашептал он. — Я в книжке читал про кладоискателей! Вы пойдете его искать? Возьмите меня с собой, я вам помогу!

— Никаких кладов, выдумщик, — строго сказала я, но почувствовала, как предательски краснею.

Тимоша оказался проницательнее, чем я думала. Он хитро прищурился:

— А вот и врите, тетя Роза. У вас лицо такое... загадочное. Точно клад!

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ладно, сыщик. Беги домой, поздно уже. А про самовар и про... все остальное — никому ни слова, договорились? Это будет наш секрет.

— Могила! — торжественно пообещал мальчишка, чиркнув себя пальцем по горлу, схватил соль и умчался.

Закрыв за ним дверь, я вернулась к столу и снова уставилась на карту и письмо. За окном уже начинало темнеть, дождь все сыпал и сыпал, барабаня по стеклу унылую мелодию.

— Ну что, Розалия Аркадьевна, — сказала я себе, — во что же ты ввязалась?

Я еще раз перечитала письмо, насколько позволяли мои познания в немецком. «Усадьба»... «иконы»... «бесценная коллекция»... Все это звучало как сюжет авантюрного романа, а не как реальность из жизни скромной учительницы.

И тут меня осенило. У меня же есть старый знакомый — Эдуард Цаплин, историк, человек энциклопедических знаний. Мы познакомились лет десять назад на какой-то конференции и с тех пор изредка перезванивались. Уж кто-кто, а Эдуард наверняка разберется и в карте, и в письме, и подскажет, что это за усадьба такая.

Я решительно потянулась к телефону. Но тут взгляд мой упал на окно, и я застыла.

Внизу, у подъезда, несмотря на дождь, стоял человек. Он стоял неподвижно, подняв голову, и смотрел, как мне показалось, прямо на мои окна. Я не могла разглядеть лица, но фигура показалась мне до боли знакомой. Худощавый, в темной куртке...

Тот самый тип с рынка?

Сердце ухнуло в пятки. Я отпрянула от окна, выронив телефон. Когда я снова осмелилась выглянуть, у подъезда уже никого не было. То ли мне померещилось, то ли незнакомец успел уйти.

— Спокойно, Розочка, спокойно, — пробормотала я, прижимая руку к колотящемуся сердцу. — Нервы шалят, вот и мерещится всякое.

Но руки мои дрожали, когда я подняла телефон и набирала номер Эдуарда. А самовар — мой прекрасный, мой роковой самовар — поблескивал на столе золотистыми боками, словно посмеиваясь над тем, в какую переделку он меня втянул.

Я тогда и представить не могла, что это лишь начало. Что впереди меня ждут незваные гости под видом газовщиков, заброшенная усадьба под Калугой, обаятельный мошенник и настоящее сокровище, ради которого люди готовы пойти на все. Но обо всем этом — позже.

А пока в трубке раздались долгие гудки, и я, затаив дыхание, ждала, когда же ответит мой старый знакомый историк, даже не подозревая, что только что сделала первый шаг навстречу самому опасному приключению в своей жизни.

Глава 2. Незваные гости

Эдуард Цаплин, как назло, к телефону не подошел. Я прослушала с десяток гудков, после чего сработал автоответчик, любезно сообщивший мне голосом самого Эдуарда, что абонент временно недоступен и просит оставить сообщение после сигнала.

— Эдуард, голубчик, это Розалия Курбатова, — заговорила я после писка. — У меня к тебе дело необычайной важности и, я бы сказала, исторической ценности. Перезвони, как сможешь, очень тебя прошу.

Положив трубку, я еще раз выглянула в окно. У подъезда никого не было — только мокрый асфальт да одинокий фонарь, выхватывавший из темноты косые струи дождя. Я задернула штору, убедила себя, что фигура внизу мне почудилась, и улеглась спать, спрятав карту с письмом в самое надежное, как мне казалось, место — между страниц толстого словаря Даля на верхней полке.

Следующие два дня прошли в нервном ожидании. Эдуард не звонил, на работе я была рассеянна так, что поставила тройку отличнице Сонечке Лапиной, чем повергла бедную девочку в слезы, а по ночам мне снились немецкие офицеры, прячущие иконы в самоварах размером с дом.

А на третий день они пришли.

Был вторник, около полудня. Я как раз вернулась из школы — уроки в тот день заканчивались рано — и собиралась пообедать, когда в дверь требовательно позвонили. Не как Тимоша, коротко и весело, а длинно, настойчиво, по-хозяйски.

Я заглянула в глазок. На площадке стояли двое мужчин в синих спецовках, с какими-то чемоданчиками и приборами в руках.

— Газовая служба! — гаркнул один из них, заметив, что я смотрю. — Плановая проверка оборудования! Откройте!

Сердце мое екнуло, но не от страха, а скорее от удивления. Газовщики? С чего бы это? Никаких объявлений в подъезде не вешали, а я привыкла, что о таких проверках всегда предупреждают заранее.

— А почему без предупреждения? — спросила я через дверь.

— Утечка в стояке, гражданочка! — нетерпеливо ответил второй, помоложе, с бегающими глазками. — Аварийная ситуация! Весь подъезд обходим, не задерживайте!

Что-то в их голосах мне не понравилось. И тут я пригляделась внимательнее. Спецовки на них сидели как с чужого плеча, чемоданчики были чистенькие, новенькие, будто только что из магазина, а главное — у того, что постарше, из-под синей куртки выглядывали дорожные лакированные ботинки. С каких это пор газовщики разгуливают в обуви за двадцать тысяч рублей?

Холодок пробежал у меня по спине. Это были вовсе не газовщики. Это были они — охотники за моим сокровищем!

— Минуточку, голубчики, я только халат накину! — крикнула я как можно беззаботнее, а сама на цыпочках метнулась в комнату.

Мысли мои заметались, как испуганные воробьи. Что делать? Звонить в полицию? Пока приедут, эти молодцы уже вынесут дверь. Самовар стоял на самом виду, на кухонном столе, начищенный до блеска. Карта с письмом — в словаре. Если они ворвутся, найдут все в два счета!

В дверь снова забарабанили, на этот раз кулаками.

— Открывайте! Слышите? Иначе будем вскрывать!

И тут меня осенило. Тимоша! Соседский мальчишка как раз болел и сидел дома, я знала это от его матери. А черный ход — служебная лестница — был как раз через мою кладовку,

дверь в которую выходила на узенькую галерею, соединявшую наши с Тимошей квартиры. Старый дом, дореволюционной постройки, имел такие хитрые ходы.

Я схватила самовар, сунула под мышку, метнулась в кладовку, отперла скрипучую дверь и выскочила на галерею. Холодный ветер ударил в лицо, под ногами хлопала вода. Я добежала до окошка Тимошиной кухни и забарабанила в стекло.

Через минуту в окне появилась удивленная мордашка мальчишки.

— Теть Роза? — Он распахнул форточку. — А вы чего тут?

— Тимоша, родной, открой скорее, дело срочное! — зашептала я.

Мальчишка, к счастью, был один — мать ушла в аптеку. Он впустил меня через кухонное окно, и я, отдуваясь, плюхнулась на табурет.

— Тимоша, помнишь, ты обещал хранить наш секрет? — выпалила я. — Так вот, настал час. Ко мне в квартиру ломаются плохие люди. Им нужен этот самовар. Спрячь его, да получше, чтобы никто не нашел. Сможешь?

Глаза Тимоши загорелись восторгом. Для него это было настоящее приключение, прямо как в книжках.

— Спрячу, теть Роза, не сомневайтесь! — Он схватил самовар. — У меня есть тайник, мировой! В кладовке, за старыми лыжами, там ниша в стене, я один про нее знаю!

— Умница, — выдохнула я. — А я пойду разберусь с этими... газовщиками.

— Может, полицию вызвать? — деловито предложил мальчишка.

— Вызови, родной, вызови. Скажи, по адресу проникновение в квартиру.

Оставив самовар на попечение юного сообщника, я вернулась тем же путем на свою галерею и через кладовку проскользнула обратно в квартиру. В дверь уже не стучали — стояла подозрительная тишина. Я выглянула в коридор и обомлела.

Замок был аккуратно вскрыт, а оба «газовщика» преспокойно хозяйничали в моей квартире! Тот, что помоложе, рылся в книжном шкафу, выбрасывая книги на пол, а старший открывал ящики комода.

— Это что же такое творится?! — взвизгнула я во весь голос. — Грабеж среди бела дня! Караул!

Незванные гости обернулись. На лицах их не было ни тени смущения.

— Тихо, бабка, — процедил старший, надвигаясь на меня. — Где самовар? Отдай похорошему, и мы уйдем.

— Какой еще самовар? — Я прикинулась дурочкой, хотя коленки у меня дрожали. — Нет у меня никакого самовара! Вы что, обознались!

— Не валяй дурака. — Глаза у него были холодные, рыбы. — Тебя на рынке видели. Ты купила тульский самовар. В нем кое-что спрятано. Гони все сюда — самовар, бумаги, карту. Ну?!

Значит, я не ошиблась. Им нужна была карта. Хорошо, что я спрятала ее в словарь, а младший как раз потрошил полку с детективами, до Даля еще не добрался.

— Не понимаю, о чем вы, — упрямо повторила я, лихорадочно соображая, как протянуть время до приезда полиции. — Был самовар, да я его продала. Соседке. Тете... Клаве. С восьмого этажа. Вон, бегите, догоняйте!

— Врешь, — рявкнул старший и схватил меня за плечо своими цепкими пальцами. — Где карта?!

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Я, Розалия Аркадьевна Курбатова, дама в высшей степени интеллигентная, схватила со столика тяжелую бронзовую статуэтку — пастушку с овечкой, очередное приобретение с барахолки, — и со всего размаху огрела грабителя по руке.

— А-а-а! — взвыл тот, отпуская меня. — Ах ты, кошелка старая!

— Это я-то кошелка?! — взвилась я и, войдя в раж, замахнулась снова.

В этот самый момент с лестницы донеслись топот и голоса, а затем зычный окрик:

— Полиция! Всем оставаться на местах!

«Газовщики» переглянулись и метнулись к окну. Видно, путь к отступлению они подготовили заранее — за окном висела веревочная лестница, спускавшаяся к пожарной площадке. Не успела я и глазом моргнуть, как оба ловко перемахнули через подоконник и исчезли в дождливой мгле.

В квартиру ворвались двое полицейских — молодой сержант и пожилой капитан с усталым лицом.

— Что у вас тут произошло, гражданка? — спросил капитан, оглядывая разгром.

Я, тяжело дыша и все еще сжимая в руке пастушку, поведала им о нападении — правда, умолчав про карту и самовар. Сама не знаю, почему. Наверное, та самая авантюрная половинка моей души нашептывала, что это мое дело, мое приключение, и делиться им с посторонними я пока не готова.

— Грабители, значит, — покивал капитан, делая пометки в блокноте. — А что искали-то?

— Деньги, наверное, ценности, — пожалала я плечами. — Я ведь антиквариатом увлекаюсь, может, прознали.

— М-да. — Капитан с сомнением оглядел мою скромную обстановку. — Ну ладно. Заявление писать будете?

Заявление я написала, дала описание налетчиков, но, честно говоря, особой надежды на полицию не питала. Когда стражи порядка удалились, пообещав «принять меры», я заперла кое-как держащуюся дверь на цепочку и без сил опустила на стул.

Тут же прибежал Тимоша, сияющий и гордый собой.

— Теть Роза, я все видел из окошка! Как они через окно сиганули! А вы их статуэткой! Здорово! Самовар в целости, я его так спрятал — ни одна живая душа не найдет!

— Спасибо тебе, мой герой, — я обняла мальчишку. — Ты меня выручил.

— А полицию я вызвал! — похвастался он. — Быстро приехали, да?

— Быстро, родной, быстро.

Когда Тимоша убежал, я наконец взяла себя в руки и проанализировала ситуацию. Дело принимало серьезный оборот, гораздо серьезнее, чем я предполагала. Если бандиты не побоялись среди бела дня вломиться в квартиру и угрожать мне, значит, ставки в этой игре очень высоки. Видно, спрятанная коллекция икон стоит баснословных денег, раз за ней охотятся такие отчаянные молодчики.

Теперь обратной дороги не было. Эти люди знали, где я живу, знали про самовар и не отступятся. Единственный способ выпутаться — разгадать тайну первой, найти сокровище и передать его государству. Тогда охотиться за мной станет бессмысленно.

Я снова бросилась к телефону и набрала Эдуарда. На этот раз, к моему великому облегчению, он ответил.

— Розалия? — раздался в трубке его бархатный баритон. — Прости, дорогая, был в экспедиции, телефон не ловил. Что за дело исторической важности?

— Эдуард, мне нужно срочно с тобой встретиться, — выпалила я. — Это не телефонный разговор. У меня есть кое-что... старинная карта и письмо на немецком, времен войны. Речь идет о спрятанных иконах, о целой коллекции! И за мной уже охотятся какие-то бандиты!

В трубке повисла пауза. Я почти слышала, как в голове моего ученого друга закрутились шестеренки.

— Иконы... коллекция... война, — медленно проговорил он. — Розалия, это может быть очень серьезно. Приезжай ко мне немедленно. Адрес помнишь?

— Помню. Буду через час.

Я положила трубку, чувствуя, как сердце забилося ровнее. Хорошо, когда есть на кого опереться. Эдуард — человек умный, образованный, он поможет разобраться.

Я переделалась, спрятала драгоценную карту и письмо во внутренний карман плаща, заглянула к Тимоше — наказала ему стеречь самовар как зеницу ока и никому, ни единой душе про него не рассказывать. Мальчишка снова поклялся «могилой».

Выходя из подъезда, я с опаской огляделась по сторонам. Дождь наконец перестал, но небо оставалось хмурым. У соседнего дома стояла серая машина с тонированными стеклами, и мне почудилось, будто кто-то наблюдает за мной из ее темного нутра. Но я решительно тряхнула кудряшками. Хватит шарахаться от каждой тени! Я еду к Эдуарду, и точка.

Поймав такси — на маршрутке после всех потрясений ехать не было сил, — я назвала водителю адрес и откинулась на сиденье. Серая машина с тонированными стеклами, как мне показалось, тронулась следом, но в потоке транспорта я быстро потеряла ее из виду и успокоилась.

Эдуард Цаплин жил в старом сталинском доме на Фрунзенской набережной, в просторной квартире, до отказа набитой книгами, старинными гравюрами и археологическими находками. Сам он был представительным мужчиной лет шестидесяти, с пышной седой шевелюрой, аккуратной бородкой клинышком и живыми умными глазами за стеклами очков в золотой оправе. Одевался он всегда щегольски — твидовый пиджак, шейный платок, — и держался с этакой профессорской важностью.

— Розалия, дорогая моя! — Он распахнул дверь и поцеловал мне руку на старомодный манер. — Проходи, проходи. Ты меня заинтриговала до крайности. Иконы, бандиты, тайны военных лет — это же сюжет для романа!

Я вошла в его кабинет, заваленный книгами так, что присесть было решительно негде, и наконец выложила на стол свои сокровища — пожелтевшую карту и письмо на немецком.

— Вот, Эдуард. Это я нашла в самоваре, купленном на блошином рынке. А теперь за этим самоваром охотятся какие-то страшные люди.

Историк водрузил на нос вторую пару очков, склонился над картой, и я увидела, как глаза его загораются азартом настоящего исследователя.

— Так-так-так, — забормотал он, водя пальцем по выцветшим линиям. — Любопытно, чрезвычайно любопытно...

Он долго разглядывал карту, потом взялся за письмо, шевеля губами и переводя немецкий текст. Я сидела как на иголках, боясь спугнуть его сосредоточенность.

Наконец Эдуард выпрямился, снял очки и посмотрел на меня с выражением крайнего изумления.

— Розалия, — произнес он торжественно, — ты даже не представляешь, что попало тебе в руки. Если я не ошибаюсь — а я редко ошибаюсь, — эта карта указывает на одну усадьбу под Калугой. И там, в этой усадьбе, в годы войны была спрятана коллекция, которую искусствоведы всего мира считают безвозвратно утраченной...

Он сделал паузу, и я затаила дыхание.

— Это меняет все, дорогая моя, — тихо сказал Эдуард. — Абсолютно все.

Глава 3. Потомок коллекционера

— Что значит — меняет все? — Я подалась вперед, едва не свалив со стола стопку каких-то ветхих фолиантов. — Эдуард, голубчик, не томи! Объясни толком!

Историк прошелся по кабинету, заложив руки за спину, как заправский лектор перед студентами. Я знала эту его манеру — прежде чем выложить главное, он непременно должен был выдержать театральную паузу и насладиться моим нетерпением.

— Видишь ли, Розалия, — начал он, поглаживая бородку, — здание с пометкой в виде креста на твоей карте — это, вне всякого сомнения, усадьба Воронцово-Дальнее, что под Калугой. До революции она принадлежала дворянскому роду Воронцовых, а в начале двадцатого века ее выкупил некий Аристарх Белозерский — известнейший в свое время коллекционер.

— Белозерский, — повторила я. — Никогда о таком не слышала.

— И неудивительно. — Эдуард остановился у окна. — Имя его после революции старательно вымарывали из истории. А между тем Аристарх Белозерский собрал одну из богатейших в России коллекций древнерусской иконописи. Иконы новгородской школы, псковской, московской — пятнадцатый, шестнадцатый века! Многие искусствоведы считали, что эта коллекция бесследно исчезла в годы войны. Часть, как полагали, разграбили немцы, часть погибла при пожаре. А выходит... — он постучал пальцем по карте, — выходит, кто-то ее спрятал!

Сердце мое заколотилось. Я перечитала в уме строки из письма: «иконы... бесценная коллекция... спрятаны в надежном месте...»

— Но при чем тут немецкий офицер? — спросила я. — Письмо ведь подписано инициалами «К. Ш.».

Эдуард снова взялся за листок, прищурился.

— А вот это самое любопытное. — Он перевернул письмо к свету. — Судя по тексту, этот офицер — назовем его условно «К. Ш.» — обнаружил коллекцию в усадьбе во время оккупации. Но он не стал ее вывозить в Германию, как поступали его коллеги-мародеры. Он ее спрятал. Понимаешь? Спрятал, чтобы сохранить. Возможно, он был искусствоведом, ценителем, человеком, который не смог поднять руку на такое сокровище. А карту с указанием тайника отослал кому-то — этому самому Генриху...

— Который, видимо, так и не добрался до тайника, — задумчиво проговорила я.

— Именно! Война, отступление, неразбериха. Письмо с картой каким-то непостижимым образом оказалось в самоваре, и вот — спустя восемьдесят лет — попало к тебе. — Эдуард всплеснул руками. — Розалия, это сенсация мирового масштаба! Если коллекция Белозерского цела, ее место в Третьяковке, в Русском музее! Это национальное достояние!

Я слушала его, и душа моя пела. Подумать только — я, скромная учительница французского, держу в руках ключ к утраченному сокровищу! Но тут же радость моя сменилась тревогой.

— Эдуард, но за этой картой охотятся бандиты. Сегодня они вломились ко мне в квартиру. Они знают про самовар, про коллекцию. Значит, нужно действовать быстро, пока они нас не опередили.

Историк нахмурился, и в его глазах мелькнула настоящая тревога.

— Ты права. Это меняет дело. — Он решительно стукнул кулаком по столу. — Завтра же едем в Калугу! Я возьму отпуск за свой счет, я не могу упустить такую находку! Мы найдем коллекцию первыми и передадим ее государству. А этих... черных копателей — в полицию!

В эту самую минуту в прихожей раздался звонок. Мы с Эдуардом переглянулись. Я почувствовала, как по спине пробежал знакомый неприятный холодок.

— Ты кого-то ждешь? — шепнула я.

— Никого, — так же тихо ответил историк и, понизив голос, добавил: — Спрячь карту.

Я торопливо сунула драгоценный листок и письмо обратно во внутренний карман плаща, висевшего на спинке стула. Эдуард, расправив плечи, направился к двери. Я на цыпочках двинулась следом, готовая в любой момент схватить что-нибудь тяжелое — благо, вокруг хватало бронзовых статуэток и увесистых томов.

Эдуард заглянул в глазок, помедлил, потом облегченно выдохнул и открыл дверь.

На пороге стоял молодой человек лет тридцати — высокий, статный, с копной русых волос и обаятельной улыбкой, обнажавшей ровные белые зубы. Одет он был с иголочки: модное пальто, шарф, начищенные туфли. В руках держал букет хризантем и бутылку дорогого вина.

— Профессор Цаплин? — произнес он приятным баритоном. — Прошу прощения за вторжение. Меня зовут Ростислав Белозерский. Я ваш горячий поклонник, читал все ваши работы по древнерусскому искусству!

Я насторожилась. Белозерский! Та самая фамилия!

Эдуард, однако, расцвел от такой лести.

— Белозерский? — Он приподнял брови. — Любопытная фамилия. Проходите, молодой человек, проходите.

Ростислав вошел, окинул кабинет восхищенным взглядом и тут заметил меня. Улыбка его сделалась еще шире.

— О, у вас гостя! Тысяча извинений, я не вовремя.

— Это Розалия Аркадьевна, мой давний друг, — представил меня Эдуард. — А вы по какому, собственно, делу, голубчик?

Молодой человек поставил вино на стол, протянул мне цветы — я машинально приняла букет, — и заговорил с подкупающей искренностью:

— Профессор, я к вам по делу почти семейному. Видите ли, я — правнук Аристарха Белозерского. Того самого коллекционера. До недавнего времени я и сам не знал толком о своих корнях — в нашей семье об этом не говорили, время было такое, сами понимаете. Но недавно, разбирая бумаги покойной бабушки, я нашел документы, подтверждающие наше родство. И узнал о коллекции икон, которую собирал мой прадед. Я ишу любые сведения о ее судьбе. А вы — крупнейший специалист, к кому же мне еще обращаться?

Я застыла с букетом в руках, чувствуя, как внутри все холодеет. Правнук Белозерского? Объявился именно сейчас, через несколько часов после того, как я нашла карту? И сразу же пришел к Эдуарду, к единственному человеку, способному эту карту разгадать?

Слишком много совпадений. Слишком.

Я внимательно взгляделась в лицо гостя. Улыбка обаятельная, глаза честные... но было в них что-то неуловимо знакомое. Где-то я уже видела этот цепкий, оценивающий взгляд, скользнувший — буквально на мгновение — по моему плащу, висевшему на стуле. По тому самому плащу, во внутреннем кармане которого лежала карта.

Эдуард, простая душа, ничего не заметил. Он был очарован «потомком коллекционера».

— Невероятно! — восклицал он. — Правнук самого Белозерского! Голубчик, вы даже не представляете, как кстати вы появились! Мы тут как раз...

— Эдуард! — резко перебила я его, и историк осекся, удивленно глядя на меня. — Эдуард, я совсем забыла — мне ведь срочно нужно домой, Матильда некормленая, да и дела. Проводи меня, будь любезен.

— Но, Розалия... — растерялся он.

— Проводи, проводи, — настаивала я, делая ему страшные глаза, которых, увы, мой недогадливый друг упорно не понимал.

— Не смею задерживать прекрасную даму, — галантно вмешался Ростислав. — Я подожду. У нас с профессором, полагаю, будет о чем побеседовать.

Вот этого-то я и боялась. Стоит мне уйти, и доверчивый Эдуард выложит этому красавчику все — про карту, про усадьбу, про наши планы. А завтра в Воронцово-Дальнее нагрянет вся банда черных копателей.

Нужно было срочно что-то придумать.

— Знаете, что, Ростислав, — сказала я, изобразив самую любезную улыбку, на какую была способна, — а ведь и мы с Эдуардом как раз изучаем историю вашего знаменитого прадеда! Вот ведь совпадение, не правда ли? Прямо судьба свела.

— Неужели? — Глаза молодого человека блеснули. — Какая удача!

— Да-да. Только, понимаете, материалы пока сырые, ничего конкретного, одни предположения. — Я говорила, и сама поражалась, как гладко у меня выходит врать. — Эдуард как раз сетовал, что никаких реальных следов коллекции не обнаружено. Все погибло в войну, увы. Правда, Эдуард?

Я снова сделала ему страшные глаза, и на этот раз — о чудо! — историк наконец что-то заподозрил. Он кашлянул и нехотя подтвердил:

— Э-э... да. Совершенно верно. Следов нет. Глухо, как в танке.

Ростислав чуть заметно сжал губы. На долю секунды обаятельная маска соскользнула с его лица, и я увидела под ней досаду и что-то еще — холодное, расчетливое. Но он тут же снова заулыбался.

— Жаль, очень жаль. Но, может, у вас сохранились хоть какие-то документы? Старые карты, письма? Любая мелочь была бы для меня бесценна — как память о прадеде.

Карты, письма! Каков, а! Все-таки именно за этим он и пришел.

— Увы, ничего, — развела я руками. — Голые теории.

Мы поболтали еще немного ни о чем, я всячески уводила разговор от опасной темы, и наконец Ростислав, поняв, что больше ничего не выудит, откланялся. Оставил Эдуарду свою визитку — «звоните, если что-нибудь узнаете, буду крайне признателен» — и удалился, на прощание одарив меня ослепительной улыбкой.

Едва за ним закрылась дверь, я метнулась к окну. Через минуту Ростислав вышел из подъезда, огляделся по сторонам и сел... в серую машину с тонированными стеклами. Ту самую, что стояла у моего дома! Ту, что, как мне показалось, ехала за такси!

— Эдуард! — Я обернулась к историку. — Иди сюда, скорее! Видишь эту машину? Она следила за мной от самого дома! А этот твой «правнук» — никакой он не правнук! Он заодно с бандитами!

Эдуард подошел к окну, поглядел на отъезжающую машину и недоверчиво покачал головой.

— Розалия, помилуй, у тебя разыгралось воображение. Такой приятный молодой человек, образованный, воспитанный...

— Вот именно — слишком приятный, слишком вовремя! — горячилась я. — Сам посудите: я нахожу карту, за самоваром тут же являются бандиты, а через несколько часов на твоём пороге возникает «потомок коллекционера», который интересуется исключительно старыми картами и письмами! Ты что, совпадениям веришь?

Историк задумался, теребя бородку. Постепенно скептическое выражение на его лице сменилось озабоченным.

— А ведь и правда... — пробормотал он. — Откуда он узнал, что я занимаюсь именно Белозерским? Я ведь эту тему лет двадцать как забросил, ни одной свежей публикации... И как удачно явился — день в день с твоей находкой...

— То-то и оно! — подхватила я. — Эти молодчики не дураки. Они поняли, что грубой силой карту у меня не отнять, вот и решили действовать хитростью. Подослали обаятельного красавчика, чтобы он втерся к нам в доверие и выведал, где спрятано сокровище. А мы бы сами, по доброте душевной, ему все и выложили!

Эдуард опустился в кресло, потрясенный.

— Боже мой, Розалия. А я ведь чуть было не рассказал ему про усадьбу, про карту... Если бы не ты...

— Вот поэтому нам нужно спешить. — Я решительно надела плащ, нащупав во внутреннем кармане заветный листок. — Завтра на рассвете едем в Калугу. И никому ни слова — ни «правнукам», ни знакомым, никому. Иначе сокровище уплывет у нас из-под носа, а заодно и в музей вместо икон попадет дырка от бублика.

— Согласен, — кивнул историк, поднимаясь. — Завтра в шесть утра я заеду за тобой на машине. Подготовлю фонари, лопаты, ломик — кто знает, что нас ждет в этом тайнике. И, Розалия... — он вдруг взял меня за руку, — будь осторожна. Эти люди, кажется, не остановятся ни перед чем.

Домой я возвращалась уже в темноте, поминутно оглядываясь и вздрагивая от каждой тени. Серой машины поблизости не было, но это меня не успокаивало. Я понимала: где-то там, в темноте, притаился обаятельный Ростислав со своей бандой, и он не отступится. Он будет ждать, следить, выжидать удобного момента.

Поднявшись к себе, я первым делом заглянула к Тимоше. Самовар был на месте, в тайнике за лыжами, в целости и сохранности. Я погладила мальчишку по голове и шепнула, что завтра уезжаю по важному делу и вернусь через денек-другой.

— На клад поедете? — азартно зашептал Тимоша. — Возьмите меня!

— В другой раз, мой герой, — улыбнулась я. — А пока стереги самовар. Это самое важное задание.

Дома, накормив наконец обиженную Матильду, я долго не могла уснуть. Лежала, глядя в потолок, и перебирала в уме события безумного дня. Завтра все решится. Завтра мы с Эдуардом отправимся в заброшенную усадьбу под Калугой — туда, где почти восемьдесят лет дожидается своего часа бесценная коллекция икон.

А по пятам за нами, я знала это твердо, будет красться серая машина с тонированными стеклами. И тот, кто называет себя правнуком коллекционера, готов на все, чтобы заполучить сокровище первым.

«Ничего, Розочка, — сказала я себе, поправляя одеяло. — Мы тоже не лыком шиты. Перехитрили его сегодня — перехитрим и завтра».

Если бы я только знала, что в той заброшенной усадьбе нас ждет не просто опасность, а смертельная ловушка.

Глава 4. Усадебные приключения

Эдуард заехал за мной ровно в шесть утра, как и обещал. Его старенький, но любовно ухоженный «Москвич» цвета морской волны фыркнул под окнами, и я, прихватив термос с крепким чаем и узелок с бутербродами — в дальнюю дорогу без провизии я не выезжаю принципиально, — спустилась во двор.

— Доброе утро, дорогая, — приветствовал меня историк, распахивая дверцу. — Багажник у нас укомплектован по всем правилам кладоискательского искусства: две лопаты, ломик, пара мощных фонарей, моток веревки и даже строительная каска. Чувствую себя героем приключенческого романа!

— Главное, чтобы роман не обернулся детективом с трупом, — проворчала я, устраиваясь на сиденье рядом.

Мы тронулись. Москва еще дремала в предрассветной хмари, улицы были пустынные, и лишь редкие машины проносились мимо, разбрызгивая лужи. Я то и дело оглядывалась через плечо, высматривая знакомую серую иномарку с тонированными стеклами, но ее нигде не было видно. И это не успокаивало меня, а, напротив, тревожило еще сильнее. Уж лучше бы я ее видела.

— Ты все вертишься, — заметил Эдуард, выруливая на загородное шоссе. — Думаешь, за нами следят?

— Уверена, — ответила я. — Раз Ростислав не нашел карту у нас, он будет ждать, пока мы сами не приведем его к сокровищу. Зачем рисковать, копаясь вслепую, когда можно спокойно проследить за теми, кто знает дорогу?

— Логично, — кивнул историк. — Но мы постараемся оторваться.

Дорога до Калуги заняла около трех часов. Потом мы свернули с трассы на проселок, потом еще раз, петляя по разбитым деревенским колеям, и я несколько раз ловила себя на мысли, что без карты и без знаний Эдуарда мы бы давно безнадежно заблудились в этой глуши. Историк, надо отдать ему должное, ориентировался превосходно — то и дело сверялся то со старой картой, то с какими-то выписками из архивных документов, которые прихватил с собой.

Наконец «Москвич» выкатил на заросшую травой аллею, по обеим сторонам которой высились вековые липы, и впереди показалась она — усадьба Воронцово-Дальнее.

Зрелище было одновременно величественное и печальное. Некогда роскошный особняк в стиле классицизма стоял полуразрушенный, с провалившейся местами крышей, выбитыми окнами и облупившимися колоннами. Парадный фасад зарос диким виноградом, а вокруг буйствовала природа, медленно, но, верно, поглощая остатки былого великолепия. Где-то в глубине парка ухала сова, хотя был уже день, и от этого делалось совсем не по себе.

— Вот она, — благоговейно прошептал Эдуард, заглушив мотор. — Бывшее имение Белозерского. Сколько лет я мечтал сюда попасть!

Мы выбрались из машины, размяли затекшие ноги. Я еще раз внимательно огляделась — вокруг ни души, только ветер шелестел в кронах деревьев да поскрипывала где-то отвалившаяся ставня. И все же сердце мое было не на месте.

— Ну что, сверимся с картой? — предложила я, доставая из внутреннего кармана заветный листок.

Мы расстелили карту на теплом капоте. Эдуард водил пальцем по выцветшим линиям, бормоча себе под нос:

— Так, главный дом — вот он. Река — там, за парком. А крест... крест стоит не на самом особняке, а вот здесь, чуть в стороне. Видишь эту пристройку? — Он указал на едва различимое строение позади дома. — Судя по всему, нам именно туда.

Мы двинулись через одичавший парк, продираясь сквозь крапиву и колючий кустарник. Я в кровь исцарапала руки, дважды зацепилась плащом за коряги, но азарт гнал меня вперед. Сокровище было где-то совсем близко, я чувствовала это всем своим существом.

Пристройка оказалась старой каменной часовней, наполовину ушедшей в землю. Тяжелая дубовая дверь висела на одной ржавой петле. Мы протиснулись внутрь и очутились в полу-темном помещении, где пахло сыростью, плесенью и тленом веков.

— Фонари, — скомандовал Эдуард, и мы зажгли наши лампы.

Лучи света выхватили из мрака голые каменные стены, остатки осыпавшихся фресок и каменный пол, покрытый толстым слоем пыли и опавших листьев. Ничего похожего на тайник.

— Где же он? — пробормотала я, обводя фонарем стены. — Карта привела сюда, но...

— Подвал, — догадался историк. — В таких часовнях всегда был подвал, склеп. Ищи лаз в полу.

Мы принялись обшаривать пол. Минут через десять Эдуард радостно вскрикнул:

— Вот! Розалия, смотри!

В дальнем углу, под завалом гнилых досок, обнаружилась каменная плита с вмурованным железным кольцом. Мы вдвоем, кряхтя и обливаясь потом, кое-как сдвинули ее в сторону. Под плитой открылся темный провал, из которого тянуло холодом и затхлостью. Вниз вели крутые истертые ступени.

— Спускаемся, — решительно сказала я и первой шагнула в темноту.

Подвал оказался небольшим сводчатым помещением. Фонари осветили пустые ниши в стенах, проржавевшие цепи, остатки рассыпавшихся бочек. И — в дальней стене — замурованную дверь. Кирпичная кладка, которой был заложен проем, заметно отличалась от старинной кладки стен — она была явно новее, грубее, сделанная наспех, без раствора местами.

— Вот оно! — выдохнул Эдуард, и голос его задрожал от волнения. — Розалия, мы нашли! За этой кладкой — тайник! Кто-то спешно замуровал проход, спрятав за ним нечто ценное!

Сердце мое колотилось как бешеное. Мы притащили из машины ломик и лопаты, и Эдуард принялся выламывать кирпичи. Работа шла туго — кладка, хоть и грубая, держалась крепко. Я подсвечивала фонарем и подбадривала историка.

И вот тут-то, в полумраке сырого подвала, мне в голову закралась мысль, от которой по спине пробежал ледяной холодок.

— Эдуард, — медленно проговорила я, — а откуда Ростислав вообще узнал про коллекцию Белозерского? Про то, что она спрятана, а не разграблена?

Историк, не отрываясь от работы, ответил рассеянно:

— Ну как же. Семейные предания, бумаги покойной бабушки...

— Постой-ка. — Я нахмурилась, и мысли мои закрутились, цепляясь одна за другую, как звенья цепочки. — Все искусствоведы, ты сам говорил, считали коллекцию погибшей. Разграбленной, сгоревшей. Никто, кроме нас с тобой и того, кто написал письмо, не знал, что иконы спрятаны и целы! А Ростислав вчера, в твоём кабинете, что сказал? Что узнал «о коллекции, которую собирал прадед». Но он не сказал, что она погибла. Он искал ее! Искал так, будто наверняка знал — она цела!

Эдуард замер с ломиком в руках.

— И еще, — продолжала я, чувствуя, как все встает на свои места. — Помнишь, он настойчиво расспрашивал про старые карты и письма? А откуда ему вообще было знать про какую-то карту? Я нигде, никому о ней не обмолвилась — ни в полиции, нигде! Только тебе! А он явился именно за картой! Значит... значит, он знал про нее с самого начала. Знал, потому что охотился за самоваром еще на рынке. Это его люди приходили ко мне под видом газовщиков!

— Ты хочешь сказать... — Эдуард побледнел так, что лицо его в свете фонаря стало похоже на гипсовую маску.

— Я хочу сказать, что Ростислав Белозерский — никакой не правнук благородного коллекционера. Это главарь банды черных копателей! И он знает слишком много. Знает то, чего честный потомок знать бы попросту не мог. Он с самого начала знал, что коллекция цела, знал про карту, выследил меня от самого рынка, подослал «газовщиков», а когда грубая сила не помогла — явился к тебе под маской обаятельного потомка, чтобы выведать дорогу хитростью!

В этот самый момент сверху, от лаза в подвал, раздался знакомый бархатный голос, от которого у меня кровь застыла в жилах:

— Bravo, Розалия Аркадьевна! Bravo! А вы, оказывается, куда умнее, чем кажется на первый взгляд. Жаль только, что догадались слишком поздно.

Мы вскинули фонари. На верхней ступеньке лестницы, небрежно прислонившись к стене, стоял Ростислав. Только теперь от его прежней обаятельной улыбки не осталось и следа. Лицо его было холодным и жестким, а в руке зловеще поблескивал пистолет. За его спиной маячили две знакомые фигуры — те самые «газовщики».

— Продолжайте работать, профессор, — насмешливо произнес Ростислав, лениво поигрывая оружием. — Осталось совсем немного. А мы пока подождем. И отдельное спасибо, что привели нас напрямиком к сокровищу. Без вас мы провозились бы тут еще не один месяц.

Я поняла, что мы угодили в самую настоящую ловушку. Серой машины мы по дороге так и не заметили — а они, оказывается, ехали следом, держась на почтительном расстоянии, и терпеливо ждали, пока мы сделаем за них всю грязную работу.

— Так я и знала, — процедила я сквозь зубы, гордо вскинув подбородок. — Самозванец. Никакой вы не Белозерский.

— А вот тут вы ошибаетесь, — усмехнулся Ростислав, неторопливо спускаясь по ступеням. — Фамилия моя и впрямь Белозерский. Только прадед мой был не благородным коллекционером, а всего лишь его управляющим. Это он, мой прадед, в восемнадцатом году навел красных на хозяина, а сам тихонько прибрал к рукам кое-какие сведения о коллекции. Семейная легенда, что передавалась из поколения в поколение: иконы не сгорели и не пропали — их спрятали. И вот я, его правнук, наконец доведу дело до конца. Эта коллекция стоит миллионы. Долларов, разумеется. И она будет моей.

Он навел пистолет на дрожащего Эдуарда:

— Ломайте стену, профессор. Живо. Иначе ваша очаровательная спутница пострадает первой.

Глава 5. Сокровище и предатель

Делать было нечего. Эдуард, бледный как полотно, снова взялся за ломик. Кирпичи подавались один за другим, и наконец в кладке образовался пролом, достаточный, чтобы протиснуться человеку. Из черного проема пахнуло вековой пылью и чем-то еще — едва уловимым ароматом старого дерева и воска.

— Свети, — приказал Ростислав одному из подельников.

Тот сунул в пролом фонарь, и все мы невольно ахнули. За замурованной дверью оказалась небольшая комната, и вдоль ее стен, бережно укрытые истлевшим брезентом и переложенные соломой, стояли иконы. Десятки икон! Лучи света заиграли на потемневших ликах святых, на остатках золотых окладов, на тусклых драгоценных камнях. Даже сквозь вековую пыль чувствовалось — это настоящее чудо, бесценное сокровище.

— Коллекция Белозерского, — благоговейно прошептал Эдуард, и в глазах его, несмотря на весь ужас положения, блеснули слезы. — Цела. Жива. Восемьдесят лет... Тот немецкий офицер спас ее. Не дал разграбить, замуровал, чтобы сохранить для потомков...

— Трогательно до слез, — холодно бросил Ростислав. — Эй, выносите все наверх. Аккуратно, болваны, это деньги, а не дрова.

«Газовщики» полезли в пролом. И вот тут я поняла со всей ясностью: если не сделать что-нибудь сейчас, мы с Эдуардом отсюда живыми не выйдем. Свидетели бандитам ни к чему.

Я лихорадочно огляделась. Фонарь в моей руке... ломик у ног Эдуарда... И тут взгляд мой упал на тяжелую каменную плиту наверху, у самого лаза, — ту, что мы сдвигали. Она держалась на краю провала буквально на честном слове.

— Эдуард, — еле слышно шепнула я, наклонившись, будто поправляю сапог, — когда я крикну — падай на пол и зажмурься.

Историк едва заметно кивнул.

Один из подельников уже выбирался из пролома, прижимая к груди икону, второй копошился внутри, а Ростислав стоял ко мне вполоборота, любуясь добычей с алчным блеском в глазах. Момент настал.

— Сейчас! — заорала я что было мочи и со всей силы запустила тяжелый фонарь прямо в лампу, которую держал бандит у входа в тайник.

Раздался звон бьющегося стекла, и подвал погрузился в крошечную тьму — горел теперь только слабый фонарь внутри замурованной комнаты.

— Какого черта?! — рявкнул Ростислав, паля наугад. Пуля выбила сноп искр из каменной стены.

А я, ориентируясь в темноте по памяти, метнулась к лестнице, что было сил уперлась плечом в ту самую плиту — и сдвинула ее. Тяжеленная глыба с глухим грохотом обрушилась прямо на лаз, наполовину завалив выход. Послышался вой — кажется, кому-то из бандитов придавило руку.

— Эдуард, веревку! — крикнула я. — И ломик мне!

В темноте, в дикой суматохе, под брань и беспорядочные выстрелы заматававшихся бандитов, мы с историком действовали на удивление слаженно. Эдуард, нащупав в потемках моток веревки, ловко набросил петлю на ноги ближайшего «газовщика» и дернул — тот с грохотом рухнул на каменный пол. Я же, размахивая ломиком как саблей, отважно теснила опешившего Ростислава в угол.

— Стой, ведьма! — прохрипел он, но в темноте оступился, налетел на ржавую бочку и полетел кубарем, выронив пистолет.

Я тут же наступила на оружие сапогом.

И в эту самую секунду сверху, сквозь полузаваленный лаз, ударили лучи мощных фонарей и раздался хорошо поставленный командный голос:

— Полиция! Бросить оружие! Подвал окружен!

Не стану утомлять вас, дорогой читатель, описанием суматохи, что поднялась дальше. Скажу лишь, что бандитов скрутили в считанные минуты. А секрет нашего чудесного спасения оказался прост и трогателен до невозможности.

Когда нас вывели на свет божий, к нам, расталкивая дюжих полицейских, бросилась маленькая фигурка.

— Теть Роза! Теть Роза, вы живы! — Это был Тимоша.

— Тимоша?! — ахнула я. — Ты-то как здесь оказался, разбойник?

Выяснилось вот что. Мой юный сообщник, сгорая от любопытства и тревоги за меня, накануне вечером не утерпел и подслушал под дверью мой телефонный разговор с Эдуардом. Запомнил и про усадьбу под Калугой, и про серую машину, и про опасных людей. А когда утром увидел в окно, что следом за «Москвичом» Эдуарда крадется та самая серая иномарка, смысленный мальчишка сразу смекнул, что дело пахнет керосином. Он немедленно поднял на ноги мать, та — знакомого участкового, и вся эта цепочка добрых людей в конце концов вывела на калужскую полицию, которая и примчалась в усадьбу как раз вовремя.

— Я ж говорил, что вам помогу! — сияя, тараторил Тимоша. — Я ваш напарник по кладам!

— Ты не напарник, ты мой спаситель и герой, — растрогалась я, прижимая мальчишку к себе.

Коллекцию Белозерского — все сорок две иконы, целые и невредимые, — бережно вынесли из тайника, описали и под усиленной охраной отправили в Москву. Ростислав и его поделщики отправились в места куда менее живописные, чем заброшенная усадьба.

Через месяц нас с Эдуардом пригласили в музей, на торжественную церемонию. Под вспышки фотокамер директор музея долго жал нам руки и говорил красивые слова о бесценном вкладе в сохранение национального достояния. Иконы, отреставрированные и сияющие, заняли почетное место в отдельном зале, и теперь любой желающий может прийти и полюбоваться на чудо, спасенное сначала безымянным немецким офицером с инициалами «К. Ш.», а спустя восемьдесят лет — скромной учительницей французского и старым историком.

О нас и вправду написали в газетах, как и нашептывала когда-то моя авантюрная половинка. Тимоша вырезал все заметки и хранит их в особой папке.

А самовар — мой прекрасный, мой роковой самовар, виновник всех приключений, — занял почетное место на моей кухне. Я начистила его до зеркального блеска, и теперь он гордо возвышается на полке, поблескивая золотистыми боками. Иногда по вечерам я завариваю в нем настоящий чай, сажусь напротив с чашкой и вареньем, а рыжая Матильда устраивается у меня на коленях.

— Ну что, красавец, — говорю я самовару, — устроили мы с тобой переполох на всю Москву?

Самовар молчит, но мне кажется, будто он довольно отдувается паром, словно соглашаясь.

А в следующую субботу я, конечно же, снова отправлюсь на блошинный рынок. Потому что страсть к старине — болезнь, как я уже говорила, абсолютно неизлечимая. И кто знает, какая тайна поджидает меня среди гор пыльного хлама на этот раз?

Канарейка под прикрытием

Глава 1. Неожиданная посылка

Утро в моём цветочном магазине «Лютик» началось, как обычно, с запаха кофе и свежесрезанных роз. Я, Маргарита Серебрякова, особа сорока с небольшим лет, склонная к авантюрам не больше, чем кактус к танцам, протирала стеклянные витрины и мурлыкала под нос какую-то ерунду. Жизнь моя текла размеренно, словно тихая речка: утром — заказы, днём — букеты к свадьбам и юбилеям, вечером — чай с моей лучшей подругой Зоей и сериал про итальянских комиссаров.

Никогда бы не подумала, что обычная среда перевернёт всё с ног на голову.

Звякнул дверной колокольчик. На пороге возник почтальон Гена — мужичок неопределённого возраста, вечно в мятой кепке, от которого пахло табаком и почему-то ванилью.

— Серебрякова Маргарита Львовна? — спросил он, заглядывая в планшет.

— Она самая, — отозвалась я, вытирая руки о фартук.

— Посылочка вам. Распишитесь.

Я ожидала чего угодно — новых горшков, удобрений, семян редкого сорта пионов, которые заказывала ещё месяц назад. Но Гена внёс в магазин нечто, накрытое плотной тёмной тканью. Нечто было прямоугольным, лёгким и... щебетало.

— Это что ещё такое? — обомлела я.

— Не могу знать, — пожал плечами почтальон. — Адрес ваш, отправитель не указан. Странная посылочка, я вам скажу. Всю дорогу пела.

— Пела?!

Гена кивнул, сунул мне планшет, дождался подписи и ретировался с такой скоростью, будто оставлял у меня бомбу замедленного действия. Я осталась стоять посреди магазина, окружённая фиалками и хризантемами, и тупо смотрела на загадочный предмет.

Любопытство, как известно, сгубило кошку. Меня же оно просто заставило сдёрнуть ткань.

Под покрывалом обнаружилась изящная клетка из позолоченной проволоки, а в ней — маленькая жёлтая канарейка. Птичка склонила головку набок и уставилась на меня глазками-бусинками с таким выражением, словно знала обо мне что-то компрометирующее.

— Привет, — растерянно сказала я. — И как же тебя сюда занесло?

Канарейка распушила пёрышки, гордо выпятила грудь и выдала такую залиvistую трель, что я невольно заслушалась. Это была не просто птичья песенка — это была настоящая музыка, со сложными переходами и вариациями, будто пернатый виртуоз репетировал концерт.

К клетке была привязана записка. Я развернула сложенный вчетверо листок плотной кремовой бумаги. Аккуратным, чуть наклонным почерком на нём было выведено:

«Береги её как зеницу ока».

И больше ничего. Ни подписи, ни обратного адреса, ни единого намёка на то, кто и зачем прислал мне эту голосистую посылку.

— Очень информативно, — пробормотала я, вертя записку в руках. — «Береги как зеницу ока». А может, я вообще птиц боюсь? Может, у меня аллергия?

Аллергии у меня, конечно, не было, а вот вопросов прибавилось.

Я поставила клетку на прилавок, между кассой и вазой с гербами. Канарейка тут же принялась изучать обстановку, склоняя голову то в одну, то в другую сторону. На вид птаха была

здоровой, ухоженной, с гладкими блестящими пёрышками. Кто-то явно за ней тщательно ухаживал.

— Ладно, — вздохнула я. — Раз уж тебя ко мне подбросили, надо хотя бы покормить. Чем там вас, певцов, кормят? Зерном, наверное?

В подсобке нашёлся пакет с семечками для подкормки птиц на улице — я иногда сыпала их синицам на подоконник. Насыпала немного в маленькое блюдце, просунула между прутьями. Канарейка благосклонно клюнула пару зёрнышек, после чего вновь запела.

И вот тут случилась первая странность.

Едва зазвучала трель, как старенький радиоприёмник на полке, настроенный на волну классической музыки, заиграл «Времена года» Вивальди — ту самую «Весну», которую знают даже те, кто от классики далёк, как я от балета. И канарейка преобразилась. Она вытянулась в струнку, прикрыла глазки и запела вместе с оркестром, выводя рулады с таким упоением, будто всю жизнь только этого и ждала.

Я застыла с тряпкой в руке. Птица пела не просто так — она подстраивалась под мелодию, ловила ритм, вторила скрипкам. Это было невероятно.

Но стоило ведущему на радио прервать музыку и заговорить о погоде, как канарейка тут же умолкла, нахохлилась и обиженно отвернулась.

— Ну ты артистка, — восхищённо протянула я. — Меломанка, значит. Будешь Маэстро. Подходит тебе.

Канарейка одобрительно чирикнула, словно соглашаясь с выбором имени.

Весь день я провозилась с заказами, то и дело поглядывая на нового жильца. Маэстро вёл себя прилично: чистил пёрышки, поклёвывал зёрнышки и периодически раздражался ариями, как только в эфире появлялась классика. Покупатели умилялись. Одна старушка даже купила лишний букет ромашек, заявив, что в магазине с поющей птичкой «прямо душа отдыхает».

К вечеру, закрывая магазин, я уже почти свыклась с мыслью, что обзавелась пернатым компаньоном. Загадочная записка не давала покоя, но я решила: разберусь завтра. Может, кто-то из знакомых так пошутил. Или бывший хозяин уехал и пристроил птицу первому попавшемуся адресу.

Однако вечер преподнёс вторую странность.

Я как раз собиралась запереть дверь, когда колокольчик звякнул в последний раз. В магазин вошёл мужчина — высокий, сухопарый, в строгом сером пальто. Лицо его наполовину скрывали массивные очки в чёрной роговой оправе. Он окинул помещение быстрым, цепким взглядом, и взгляд этот почему-то заставил меня поёжиться.

— Добрый вечер, — произнёс он бархатным голосом. — Я ищу букет для... деловой встречи. Что-то строгое, элегантное.

— Конечно, — кивнула я, мысленно подсчитывая, что не успею на любимый сериал. — Могу предложить белые лилии или...

Договорить я не успела. Маэстро, до этого мирно дремавший в клетке, внезапно встрепенулся, заметался по жёрдочке и разразился таким пронзительным, тревожным щебетом, что мужчина в очках вздрогнул и резко обернулся.

— У вас... птица, — констатировал он, и в голосе его проскользнуло нечто странное. Не удивление, нет. Скорее — узнавание.

— Птица, — подтвердила я, разглядывая, как Маэстро буквально бьётся о прутья клетки, не сводя с гостя глаз-бусинок. — Обычно она очень спокойная. Не знаю, что на неё нашло.

— Любопытный экземпляр, — медленно проговорил мужчина, подходя ближе к прилавку. Очки блеснули в свете лампы. — Канарейка, если не ошибаюсь? Откуда она у вас?

Что-то в его тоне мне не понравилось. Вкрадчивый интерес, слишком пристальное внимание к птице и полное равнодушие к букету, за которым он якобы пришёл.

— Подарок, — уклончиво ответила я. — От родственников. Так что насчёт лилий?

— Подарок, — эхом повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Как интересно. А кто, позвольте узнать, дарители?

— А вам зачем? — насторожилась я окончательно.

Мужчина улыбнулся — одними губами, глаза за стёклами очков остались холодными.

— Простое любопытство. Видите ли, я коллекционер. Редкие певчие птицы — моя слабость. А ваша пташка поёт весьма... специфично.

Маэстро, словно подтверждая его слова, выдал очередную возмущённую трель и забился в дальний угол клетки, дрожа всем тельцем.

— Боюсь, она не продаётся, — твёрдо сказала я, накрывая клетку тканью. — И вообще, я закрываюсь. Если нужен букет — приходите завтра.

Гость постоял ещё секунду, разглядывая меня так, будто запоминал. Потом коротко кивнул.

— Разумеется. Извините за беспокойство. Доброй ночи... Маргарита Львовна.

И вышел.

Я застыла, чувствуя, как по спине ползёт холодок. Я не называла ему своего имени. Не представлялась. На фартуке у меня нет бейджика. Откуда он знает, как меня зовут?

Бросившись к окну, я успела заметить, как незнакомец садится в чёрный автомобиль с тонированными стёклами, припаркованный через дорогу. Машина бесшумно тронулась и растворилась в вечерних сумерках.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Я заперла дверь на все замки, задёрнула шторы и только тогда сняла ткань с клетки. Маэстро всё ещё дрожал, нахохлившись.

— Ну-ну, успокойся, — пробормотала я, осторожно просовывая палец между прутьями. Птица доверчиво прижалась к нему тёплым боком. — Что это за тип? Ты его испугался, да? Очки эти... Тебе мужики в очках не нравятся?

Канарейка тихо чирикнула, и мне показалось — печально.

Я опустила на стул и снова перечитала записку. «Береги её как зеницу ока». Теперь эти слова звучали совсем иначе — не как шутка, а как предупреждение. Кто-то отправил мне эту птицу не случайно. И кто-то другой — этот холодный господин в очках — очень хотел её заполучить.

Во что я ввязалась?

Дрожащими руками я набрала номер Зои. Моя подруга, флейтистка городского оркестра, особа музыкально образованная и невероятно любопытная, ответила после первого гудка:

— Рита, ты как раз вовремя! Я тут испекла шарлотку, приезжай немедленно, остынет же!

— Зоя, — выдохнула я, — у меня тут... ситуация. Мне подбросили канарейку.

— Чего тебе подбросили? — не поняла подруга.

— Канарейку! С запиской! А потом приходил какой-то жуткий тип в очках, выспрашивал про птицу, знал моё имя, а уехал на чёрной машине, как в кино!

В трубке повисла пауза. Потом Зоя серьёзно сказала:

— Рита. Бери свою канарейку и приезжай ко мне. Сейчас же. Мне это всё очень не нравится.

Я и сама понимала: спокойная жизнь закончилась. Накрыв клетку тканью и сунув записку в карман, я выскользнула в ночь, прижимая к груди голосистую посылку, которая, судя по всему, стоила кому-то очень и очень дорого.

Маэстро тихонько запел под тканью — на этот раз колыбельную. Будто успокаивал не себя, а меня.

И, признаться, мне это удивительным образом помогло.

Глава 2. Цветочный шантаж

Ночь у Зои прошла беспокойно. Мы вдвоём просидели на кухне до трёх часов, разглядывая Маэстро так, будто птица вот-вот заговорит человеческим голосом и раскроет все тайны. Канарейка же, не подозревая о свалившейся на неё роли загадки века, мирно дремала на жёрдочке, спрятав голову под крыло.

— Может, ты всё придумала? — зевая, предположила Зоя, отрезая мне третий кусок шарлотки. — Ну подумаешь, мужик пришёл, имя твоё знал. Может, постоянный клиент?

— Зоя, я всех своих постоянных клиентов знаю в лицо, — возразила я. — А этот тип меня впервые видел. И смотрел так... будто прицеливался.

— Прицеливался, — повторила подруга и поёжилась. — Бр-р. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра разберёмся.

Утро действительно оказалось мудренее, но не в том смысле, в каком хотелось бы.

Едва я открыла «Лютик» и расставила свежие тюльпаны, как колокольчик звякнул, и на пороге возник новый посетитель. На этот раз — полная противоположность вчерашнему очкарику. Невысокий, кругленький, в дорогом кашемировом пальто и лакированных ботинках, с холёным лицом и бриллиантовой булавкой в галстуке. От него за версту веяло деньгами и тем особым самодовольством, которое появляется у людей, привыкших всё покупать.

— Доброе утро, — пропел он, и улыбка растеклась по его лицу, как масло по горячему блину. — Какой очаровательный магазинчик! И какая, должно быть, очаровательная хозяйка.

— Здравствуйте, — сдержанно ответила я. — Чем могу помочь? Букет?

— О, букет — это потом, непременно. — Он подошёл к прилавку, и взгляд его тут же скользнул к клетке, накрытой тканью. — Позвольте представиться. Тихон Меньшов. Ценитель прекрасного, меценат, в некотором роде коллекционер.

Опять коллекционер. Внутри у меня что-то ёкнуло.

— Очень приятно, — сказала я, незаметно придвигаясь к клетке. — Маргарита.

— Знаю, знаю, — он махнул пухлой ручкой с золотым перстнем. — Маргарита Львовна Серебрякова. О вас, точнее, о вашем недавнем приобретении, ходят, знаете ли, легенды.

— Какие ещё легенды? — насторожилась я. — Я обычная цветочница.

— Цветочница с необыкновенной птичкой. — Меньшов сложил руки на животе и качнулся с пятки на носок. — Видите ли, дорогая моя, я очень люблю канареек. Особенно редких. А ваша, говорят, поёт совершенно изумительно. Я хотел бы её приобрести.

— Она не продаётся, — отрезала я, в точности как накануне.

— Понимаю-понимаю, привязанность, всё такое, — закивал он. — Но я ведь предлагаю не просто так. — Меньшов извлёк из внутреннего кармана чековую книжку, открыл её с театральным щелчком и черкнул ручкой с золотым пером. Затем подвинул листок ко мне.

Я взглянула на сумму — и присвистнула. На чеке красовалась цифра, на которую можно было купить не один цветочный магазин, а целую сеть, да ещё и квартиру в придачу.

— Это... за канарейку? — недоверчиво уточнила я.

— За канарейку, — расплылся в улыбке Меньшов. — Согласитесь, щедрое предложение. Птичка милая, но, право, не стоит таких сантиментов. А вы поправите свои дела, расширите бизнес. Все будут счастливы.

Признаюсь, на секунду я заколебалась. Сумма кружила голову. Но потом я вспомнила вчерашнего очкарика, тревожную трель Маэстро, записку «береги как зеницу ока» — и здравый смысл взял верх. Никто не платит целое состояние за обычную птицу. Значит, дело тут совсем не в пении.

— Спасибо за предложение, господин Меньшов, — твёрдо сказала я, отодвигая чек обратно. — Но птица не продаётся. Ни за какие деньги.

Улыбка медленно сползла с его лица. На мгновение в глазах мелькнуло что-то хищное, цепкое — точно такое же, как у вчерашнего гостя. Эти двое явно были одного поля ягоды.

— Жаль, — протянул он, пряча книжку. — Очень жаль. Знаете, Маргарита Львовна, я ведь человек настойчивый. И не привык получать отказы.

— Придётся привыкнуть, — пожала я плечами, хотя сердце колотилось.

Меньшов вздохнул, обвёл взглядом магазин — фиалки, розы, сухие букеты под потолком, деревянные стеллажи.

— Красиво у вас тут, — задумчиво произнёс он. — Уютно. Только знаете, что меня всегда печалит в подобных заведениях? Пожароопасность. Сухие цветы, деревянные полки, проводка старая... Достаточно одной искры. — Он покачал головой с притворным сожалением. — Вот, к слову, прежний владелец этой вашей пташки. Жил себе, поживал, никому не мешал. А потом — пожар. Дом сгорел дотла. Бедняга едва успел птичку из огня вынести. Печальная история.

Меня будто холодной водой окатили.

— Вы мне угрожаете? — тихо спросила я.

— Что вы, что вы! — всплеснул он руками. — Я просто рассказываю поучительную историю. О том, как важно беречь себя и своё имущество. И вовремя расставаться с вещами, которые приносят несчастье. — Он направился к выходу, но у двери обернулся. — Подумайте над моим предложением, голубушка. Чек я могу выписать в любой момент. А вот удача — штука переменчивая. Сегодня она есть, а завтра — пых! — и нету. Всего доброго.

Колокольчик звякнул, дверь закрылась. Я осталась стоять, вцепившись в край прилавка побелевшими пальцами.

Пожар у предыдущего хозяина. Значит, Маэстро действительно вынесли из огня. Значит, кто-то уже пострадал из-за этой птицы. И теперь охота идёт за мной.

Дрожащей рукой я набрала Зою.

— Он угрожал поджечь магазин, — выпалила я без предисловий. — Этот Меньшов. Намекал на пожар у прежнего владельца канарейки.

— Стоп, какой Меньшов? — не поняла подруга. — Вчера же был очкарик!

— Это другой! Их двое, представляешь? Толстый и в очках! Целая команда охотников за моей птицей!

В трубке что-то зашуршало.

— Так, Рита, не паникуй, — голос Зои стал собранным. — Слушай, я всю ночь думала про твоего Маэстро. Точнее, про то, как он поёт. И знаешь что? Меня не отпускает одна мысль. Эта его трель... в ней есть что-то знакомое. Структура какая-то неслучайная. Я как музыкант тебе говорю — так птицы сами по себе не поют.

— В смысле? — не поняла я.

— В прямом. Включи-ка ему музыку. Любую. И запиши на телефон, как он будет подпевать. А я приеду — послушаем вместе. У меня абсолютный слух, разберусь.

Я послушно поставила Маэстро на прилавок, сняла ткань и включила радио. Как назло, передавали попсу. Канарейка скривилась — да-да, я готова поклясться, что птица именно скривилась! — и демонстративно отвернулась.

— Привереда, — проворчала я и нашла на телефоне запись симфонии.

Едва зазвучали первые такты, Маэстро ожил. Он вострепнулся, выпрямился и запел — выводя сложнейшие пассажи, точно следуя за оркестром, но при этом добавляя что-то своё. Какие-то ритмичные повторы, странные паузы, чередования высоких и низких нот в определённой последовательности. Я записала всё на телефон, как велела Зоя.

Через сорок минут подруга влетела в магазин — растрёпанная, с нотной тетрадью под мышкой и горящими глазами.

— Давай запись! — потребовала она с порога.

Я протянула телефон. Зоя надела наушники, нахмурилась, прослушала раз, другой, третий. Лицо её менялось на глазах: от любопытства к удивлению, от удивления — к настоящему потрясению.

— Рита, — прошептала она наконец, стягивая наушники. — Ты не поверишь. Это не пение.

— А что же?

— Это шифр. — Зоя плюхнулась на стул, бледная. — Понимаешь, во время учёбы нам один старый профессор рассказывал байку. Будто бы в восьмидесятые контрабандисты, которые переправляли через границу антиквариат и ценные музыкальные инструменты, придумали хитрую систему. Они кодировали информацию в мелодиях. Определённая последовательность нот — это буквы, цифры, координаты. Передавали через концерты, пластинки, даже через певчих птиц, которых обучали выводить нужные «партии». Я думала, это легенда, страшилка для первокурсников. А оказывается...

Она кивнула на Маэстро, который как раз закончил арию и теперь невозмутимо чистил пёрышки.

— Оказывается, что? — у меня пересохло в горле.

— Оказывается, твоя канарейка поёт зашифрованное послание, — выдохнула Зоя. — Я узнала фрагмент. Вот эта повторяющаяся фигура — до-ми-соль-фа-ре — это не из симфонии. Это вставка. Чужеродная. И таких вставок в его песне несколько.

Мы переглянулись. Маэстро поднял головку и невинно чирикнул, склонив её набок.

— Зоя, — медленно проговорила я, — а ты сможешь это расшифровать?

— Одна — вряд ли. Но я знаю, с чего начать. — Подруга вскочила, глаза её азартно блестели. — Тот профессор, что рассказывал нам байку, был дружен с дирижёром нашего оркестра. С Аркадием Вельяминовым. Который, между прочим, пропал без вести полгода назад. Бесследно. Все думали — уехал за границу. А что, если...

— А что, если он и есть прежний хозяин Маэстро, — закончила я за неё похолодевшими губами.

В наступившей тишине Маэстро вдруг запел сам, без всякой музыки. Тихо, печально. И эта мелодия звучала как плач по тому, кто когда-то его любил.

— Нам нужно в консерваторию, — решительно сказала Зоя. — В кабинет Вельяминова. Если там остался хоть какой-то след — дневник, ноты, записи, — мы найдём ключ к шифру. И поймём, во что ты вляпалась.

Я взглянула на канарейку, на запёртую дверь, за которой могли поджидать и очкарик, и толстый Меньшов с его спичками. Бежать было некуда. Оставалось только идти вперёд.

— Хорошо, — кивнула я, накрывая клетку тканью. — Едем в консерваторию. Только Маэстро возьмём с собой. Я его тут одного не оставлю — спялят ведь, ироды.

Маэстро под тканью одобрительно свистнул. Кажется, он был полностью со мной согласен.

Глава 3. След ведёт в консерваторию

Дорога до консерватории заняла минут сорок, и все эти сорок минут я ловила себя на том, что верчу головой, как сова на токовище. Каждый прохожий казался мне подозрительным, в каждой чёрной машине мерещился очкарик или толстый Меньшов с коробком спичек наготове. Маэстро ехал в клетке на заднем сиденье Зоиной старенькой «Шкоды», накрытый клетчатым пледом, и время от времени издавал тихие трели — то ли подбадривал нас, то ли репетировал свою шпионскую партию.

— Зоя, а ты уверена, что нас в консерваторию пустят? — спросила я, нервно теребя ремень безопасности. — Мы ведь не студенты и не преподаватели.

— Меня там каждая собака знает, — отмахнулась подруга, лихо вписываясь в поворот. — Я в этом здании полжизни провела. И потом, у меня ключ от служебного входа остался, ещё с тех времён, когда я подрабатывала концертмейстером. Вахтёрша баба Люся меня обожает. Я ей варенье из крыжовника привожу.

Варенье из крыжовника действительно оказалось безотказным пропуском. Баба Люся, грузная женщина с добрым лицом и подозрительно цепким взглядом, расцеловала Зою в обе щеки, подозрительно покосилась на накрытую пледом клетку («Чего это у вас там шевелится?» — «Реквизит, баб Люсь, для перформанса») и пропустила нас внутрь, ворча, что в такое время порядочные музыканты дома сидят, а не по архивам шастают.

Консерватория ночью производила гнетущее впечатление. Длинные коридоры тонули в полумраке, портреты великих композиторов смотрели со стен сурово и неодобрительно, а наши шаги отдавались гулким эхом под высокими потолками. Где-то наверху капала вода, и звук этот в тишине казался зловещим.

— Кабинет Вельяминова на третьем этаже, — шёпотом сообщила Зоя, ведя меня за рукав. — В конце восточного крыла. После его исчезновения там никто не работает. Говорят, ректор всё не решается опечатать — надеется, что Аркадий Семёнович вернётся.

— А ты хорошо его знала? — спросила я.

— Вельяминова-то? — Зоя вздохнула. — Достаточно хорошо. Странный был человек. Гениальный дирижёр, но себе на уме. Вечно ездил на какие-то частные концерты, водил дружбу с антикварами, коллекционерами. Помню, шептались, будто он подрабатывает оценщиком старинных инструментов. А полгода назад просто исчез. Машину его нашли на трассе, пустую. Ни записки, ни следов. Дело закрыли, решили — несчастный случай или сам уехал.

Кабинет Вельяминова мы нашли быстро. Дверь, к моему удивлению, оказалась не заперта — лишь притворена. Зоя толкнула её, и мы вошли.

Внутри царил беспорядок, но какой-то странный, нарочитый. Книжки валялись на полу, ящики стола были выдвинуты, ноты рассыпаны по ковру.

— Тут кто-то рылся, — констатировала я, обводя взглядом разгром. — И совсем недавно. Смотри, пыли почти нет.

— Искали то же, что и мы, — мрачно кивнула Зоя. — Шифр. Или ключ к нему.

Маэстро в клетке вдруг заволновался, забил крыльями, защебетал тревожно. Я сняла плед — птица металась по жёрдочке, не сводя глаз с дальнего угла кабинета, где стоял старый кабинетный рояль, накрытый чехлом.

— Что такое, малыш? — Я подошла ближе. — Ты что-то чуешь?

— Рита, — тихо позвала Зоя. — Птица узнаёт это место. Вельяминов наверняка принёс её сюда. Маэстро тут бывал.

Я приподняла чехол рояля. Под ним обнаружилась откинута крышка, а внутри, среди струн, — ничего особенного. Зато на пюпитре стояла фотография в рамке: представительный

седой мужчина с породистым лицом и умными глазами, а у него на плече — жёлтая канарейка. Наш Маэстро. Сомнений не оставалось.

— Вот он, Вельяминов, — прошептала Зоя, беря фото. — А вот и твой певец. Значит, всё правда.

Маэстро, увидев фотографию, издал такой пронзительный, горестный крик, что у меня защемило сердце. Птица узнала хозяина. И, кажется, понимала, что больше его не увидит.

— Надо искать дневник, — сказала я, отгоняя подступившую к горлу жалость. — Или хоть что-то. Зоя, проверь стол, а я погляжу на полках.

Мы принялись за дело. Я перебирала книги — сплошь партитуры, музыковедческие труды, биографии композиторов. Зоя рылась в ящиках стола, бормоча проклятия в адрес тех, кто здесь всё перевернул. Маэстро тем временем не унимался — он бился о прутья клетки и косился всё на тот же рояль.

— Да что ж тебя так к этому инструменту тянет? — не выдержала я и снова подошла к роялю.

И тут меня осенило. Я где-то читала, что у старых роялей бывают потайные отделения — для нот, для денег, для секретов. Я ощупала корпус инструмента под клавиатурой, провела пальцами по резным завитушкам. Под одной из них обнаружилась едва заметная кнопка.

— Зоя! — выдохнула я. — Иди сюда!

Я нажала. Раздался тихий щелчок, и сбоку рояля выдвинулся узкий потайной ящичек. Внутри лежала толстая тетрадь в кожаном переплёте и связка ключей.

— Дневник! — Зоя выхватила тетрадь дрожащими руками. — Рита, это он! Дневник Вельяминова!

Маэстро торжествующе запел — звонко, радостно, словно сам привёл нас к находке. Может, так оно и было. Может, умная птица помнила, где хозяин прятал свои секреты.

Мы устроились на полу, прямо среди разбросанных нот, и Зоя раскрыла дневник. Аккуратный наклонный почерк — тот самый, что и в записке на клетке! — заполнял страницу за страницей.

— Слушай, — Зоя начала читать вполголоса. — «Седьмое марта. Сегодня Меншов снова приходил с предложением. Я отказался. Он не понимает, что есть вещи, которые не продаются. Эти инструменты — национальное достояние, а не товар для его подпольных клиентов».

Я затаила дыхание.

— «Двенадцатое марта, — продолжала Зоя. — Я наконец понял всю схему. Меншов и его люди вывозят из страны старинные инструменты — скрипки, виолончели, подменяя их искусными копиями в музеях и частных коллекциях. Подлинники уходят за границу, оседают в тайных собраниях богачей. Я слишком много узнал. Боюсь, они это понимают».

— Боже мой, — прошептала я. — Так вот в чём дело. Контрабанда инструментов.

— Слушай дальше, — Зоя перевернула страницу, и голос её дрогнул. — «Двадцатое марта. Они угрожают мне. Угрожают расправой. Но я не отступлю. Я составил полный список похищенного и спрятал координаты главного тайника, где они хранят инструменты перед вывозом. Зашифровал по старой методике профессора Гольца — через мелодию. И обучил этой мелодии единственное существо, которому могу доверять, — мою канарейку. Если со мной что-то случится, тот, кто умеет слушать, найдёт ключ. Маэстро споёт правду».

В кабинете повисла гробовая тишина. Только Маэстро тихо чирикнул, словно подтверждая: да, это я, я храню тайну.

— Он всё предвидел, — потрясённо проговорила я. — Понимал, что его убьют, и зашифровал улики в птичьей песне. А потом... отправил Маэстро мне. Случайно? Или нет?

— Смотри, последняя запись, — Зоя ткнула пальцем в страницу. — «Двадцать пятое марта. Если читаете это — значит, меня больше нет. Канарейку я передам через верного чело-

века той, кто не связан с этим миром и не вызовет подозрений. Простой женщине с добрым сердцем. Пусть она уберёжет Маэстро, а музыкант разгадает его песню. Прости меня, незнакомка, что втянул тебя. Но иначе правда умрёт вместе со мной».

У меня по щекам потекли слёзы. Этот человек, понимая, что обречён, нашёл способ передать правду — через птицу, через музыку, через совершенно постороннюю цветочницу. Меня то есть.

— Зоя, — прошептала я, утирая слёзы. — Мы должны довести это до конца. Ради него.

— Доведём, — твёрдо сказала подруга, пряча дневник в сумку. — У нас есть всё: его записи, шифр в песне Маэстро. Осталось расшифровать координаты тайника. Тогда мы прижмём этого Меньшова к стенке.

В этот момент Маэстро вдруг замер. Перестал петь, нахохлился и уставился на дверь кабинета — точно так же, как смотрел на очкарика в моём магазине.

И тут мы услышали шаги в коридоре. Медленные, тяжёлые, приближающиеся.

— Кто-то идёт, — одними губами произнесла Зоя.

Я схватила клетку, прижала к груди. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь этаж. Шаги приближались. Под дверью мелькнул свет фонарика.

— За рояль, — шепнула я, и мы метнулись в укрытие, скорчившись за громоздким инструментом.

Дверь скрипнула. В кабинет вошёл человек — я не видела лица, только тёмный силуэт и луч фонаря, шаривший по стенам. Он остановился у стола, выругался сквозь зубы, обнаружив выдвинутый потайной ящик рояля пустым.

— Опоздали, — прорычал знакомый голос. Очкарик! — Дневник кто-то забрал. Совсем недавно.

— Значит, эта баба с канарейкой уже всё знает, — отозвался второй голос, и я похолодела, узнав вкрадчивые интонации Меньшова. — Цветочница оказалась шустрее, чем я думал. Что ж. Придётся решать вопрос радикально. Найди её. И птицу. Живой она нам больше не нужна.

Маэстро под пледом возмущённо пискнул. Я зажала клетку крепче, моля всех святых, чтобы птица промолчала.

— Тихо, тихо, родной, — беззвучно шептала я. — Ещё немножко.

Шаги удалились. Дверь закрылась. Мы с Зоей просидели за роялем ещё минут десять, не смея пошевелиться, пока окончательно не убедились, что незваные гости ушли.

— Они нас убьют, — выдохнула Зоя, белая как мел. — Ты слышала? «Живой не нужна».

— Слышала, — мрачно подтвердила я, поднимаясь на затёкших ногах. — Значит, у нас нет выбора. Либо мы их, либо они нас. Едем к тебе, расшифровываем координаты — и в полицию. С доказательствами.

Маэстро высунул голову из-под пледа и выдал короткую боевую трель. Кажется, наш пернатый сыщик был готов сражаться до конца.

— Держись, Маэстро, — сказала я, прижимая клетку к груди. — Твой хозяин в тебя верил. И мы тебя не подведём.

Мы выскользнули из кабинета и, крадучись, двинулись к служебному выходу — навстречу самой опасной ночи в моей жизни.

Глава 4. Ночь в архиве

До Зоинной квартиры мы домчались на одном дыхании, постоянно оглядываясь. Но стоило нам перевести дух и разложить на кухонном столе дневник Вельяминова, как подруга хлопнула себя по лбу.

— Рита, мы дураки! Дома мы шифр не разгадаем. Тут половина нот мне незнакома, а под рукой ни инструмента нормального, ни таблиц соответствия. Мне нужна нотная библиотека консерватории. Там есть архивные пособия профессора Гольца — того самого, что придумал эту шифровальную систему. Без них мы как без рук.

— Опять в консерваторию? — простонала я. — Зоя, там же эти двое рыщут!

— Не в кабинет, а в библиотеку. Это другое крыло, западное. И есть отдельный вход, через который никто не ходит ночью. — Подруга уже натягивала пальто. — Бери Маэстро. Без него никак — он живой носитель шифра.

Делать было нечего. Канарейка под прикрытием снова отправилась в дорогу.

В консерваторию мы пробрались через западный вход — узкую дверь за мусорными баками, ключ от которой у запасливой Зои тоже почему-то имелся. Нотная библиотека встретила нас затхлым запахом старой бумаги, бесконечными стеллажами и тусклым светом единственной настольной лампы, которую мы рискнули включить, занавесив окно пальто.

— Так, — Зоя деловито разложила на столе дневник, мой телефон с записью и три толстых тома в потрёпанных переплётках. — Это пособия Гольца. Система проста, если знать принцип. Каждой ноте соответствует буква или цифра. Высота тона, длительность, паузы — всё имеет значение. Включай запись Маэстро. Будем расшифровывать вставки.

Работа закипела. Зоя слушала запись по фрагментам, выписывала ноты на лист, сверялась с таблицами Гольца и бормотала себе под нос: «До-диез — это семёрка... ми бемоль — буква эн...» Маэстро, словно понимая важность момента, сидел смирно и время от времени подпевал — будто помогал. Я подливала Зое крепкий чай из термоса и грызла ногти от нетерпения.

Прошёл час. Другой. За окном начинало сереть.

— Есть! — вдруг хрипло прошептала Зоя, отбрасывая карандаш. — Рита, есть! Я расшифровала! Это не просто буквы — это адрес!

Я склонилась над листком. Кривым почерком уставшей подруги было выведено:

«Московская обл., пос. Берёзовый, складской комплекс „Гольц-Антик“, ангар 7. Код: 4-7-1-2».

— «Гольц-Антик», — выдохнула я. — Так он ещё и под именем профессора свою лавочку прикрыл, наглец!

— Тайник, — Зоя постучала пальцем по бумаге. — Главный тайник, о котором писал Вельяминов. Там инструменты. Там все доказательства!

Маэстро издал ликующую трель, такую звонкую, что мы обе шикнули на него хором. Но было уже поздно.

Где-то в глубине здания послышался скрип двери и тяжёлые шаги. Мы замерли.

— Они вернулись, — одними губами произнесла Зоя.

Я метнулась к окну, чуть отодвинула пальто. Внизу, у западного входа, стоял чёрный джип. Тот самый. А от двери к нам уже приближался свет фонарей.

— Бежим! — Я схватила клетку с Маэстро, Зоя сгребла дневник и листок с разгадкой. Мы рванули между стеллажами к запасной двери в дальнем конце библиотеки.

Выскочив в коридор, мы понеслись по тёмным переходам. За спиной раздались крики:

— Вон они! Держи их!

— Сюда! — Зоя свернула в боковой проход, и мы скатились по узкой служебной лестнице вниз, выскочив через какую-то дверь прямо на задний двор. Холодный предрассветный воздух ударил в лицо.

— К метро не успеем, — задыхаясь, выпалила Зоя. — Джип нас догонит. Туда! На остановку!

В этот ранний час по улице, дребезжа, как раз подъезжал первый трамвай. Мы из последних сил рванули к нему, я прижимала к груди клетку, Маэстро возмущённо верещал от тряски. Двери трамвая уже начали закрываться, но Зоя успела сунуть в щель руку, и сонный вагоновожатый, ворча, впустил нас внутрь.

Трамвай тронулся. И в ту же секунду из-за угла консерватории вылетел чёрный джип. Он рванул следом, поравнялся с трамваем. Я увидела за стеклом перекошенное яростью лицо очкарика.

— Зоя, они едут рядом! — Я вцепилась в поручень.

— А вот сейчас посмотрим! — азартно крикнула подруга. Трамвай свернул на рельсы, уходящие в узкий проулок, куда машине дороги не было. Джип попытался было следовать параллельной улицей, но впереди замаячил железнодорожный переезд, и шлагбаум как раз опускался перед товарным составом.

Джип резко затормозил перед закрытым шлагбаумом. А наш трамвай, дребезжа и покачиваясь, преспокойно прокатил по своим рельсам мимо, оставив преследователей беспомощно скрежетать зубами по ту сторону путей.

— Оторвались! — Зоя без сил рухнула на сиденье. — Видела их рожи? Бесценно!

Я перевела дух и заглянула под плед. Маэстро, нахохлившись, смотрел на меня с явным укором.

— Прости, родной, — виновато сказала я. — Так уж вышло. Зато живые.

Единственный, кроме нас, пассажир — старичок с авоськой — покосился на меня, услышав, что я разговариваю с накрытой клеткой, и пересел подальше.

— Зоя, — сказала я, понизив голос. — Теперь у нас есть адрес. Едем в полицию?

Подруга задумчиво помолчала.

— Поедем. Но знаешь... без вещественных доказательств нам не поверят. Скажут — две тётки начитались детективов, расшифровали птичье пение. Засмеют. Нам нужно сначала своими глазами убедиться, что в том ангаре действительно лежат краденые инструменты. Хоть одну фотографию сделать.

— Ты предлагаешь самим лезть в логово контрабандистов? — ужаснулась я.

— Я предлагаю по-тихому подъехать, заглянуть, сфотографировать — и сразу в полицию, — пояснила Зоя. — Пока Меньшов застрял у переезда и думает, что мы прячемся в городе, он не ждёт нас в Берёзовом. У нас фора.

В её словах была логика. Опасная, безрассудная — но логика. А Маэстро, словно проголосовав, выдал короткую решительную трель.

— Хорошо, — вздохнула я. — Но, если что-то пойдёт не так, мы тут же звоним «ноль-два» и убегаем. Договорились?

— Договорились, — кивнула Зоя, и глаза её азартно блеснули. — Эх, Рита, кто бы мог подумать, что на старости лет мы с тобой в сыщиков поиграем!

Трамвай вёз нас сквозь просыпающийся город к окраине, откуда начиналась дорога в Подмосковье. Я смотрела в окно на розовеющее небо и думала о Вельяминове — человеке, который не побоялся пойти против банды и доверил свою тайну птице. Я не могла его подвести.

— Держись, Маэстро, — прошептала я. — Скоро всё закончится.

Канарейка тихонько запела. И мне почудилось, что в её мелодии звучала надежда.

Глава 5. Ария финала

Посёлок Берёзовый встретил нас тишиной и утренним туманом. Складской комплекс «Гольц-Антик» располагался на отшибе — длинные серые ангары за бетонным забором, безлюдные в этот ранний час. Зоя оставила «Шкоду» (которую мы забрали с парковки у её дома) в перелеске, чтобы не светить номерами, и дальше мы пошли пешком.

— Ангар номер семь, — прошептала я, разглядывая выцветшие цифры на воротах. — Вон он.

К моему удивлению, калитка в заборе оказалась лишь прикрыта, а у бокового входа в ангар не было ни охраны, ни собак. То ли контрабандисты были уверены в своей безнаказанности, то ли все силы бросили на нашу поимку в городе.

— Код помнишь? — шепнула Зоя.

— Четыре-семь-один-два, — отозвалась я и набрала цифры на электронном замке боковой двери.

Замок мигнул зелёным и щёлкнул. Мы проскользнули внутрь.

То, что мы увидели, заставило нас обеих замереть с открытыми ртами.

Огромный ангар был заставлен стеллажами, а на них, в специальных футлярах и на подставках, покоились музыкальные инструменты. Десятки скрипок, виолончелей, альтов. Старинные, потемневшие от времени, с тем особым благородным блеском, какой бывает только у вещей, которым по триста лет. На некоторых футлярах виднелись бирки с надписями: «Страдивари, 1715», «Гварнери», «Амати»...

— Боже мой, — выдохнула Зоя, благоговейно прикасаясь к одной из скрипок. — Рита, ты понимаешь, что это? Это же национальные сокровища! Эти инструменты числятся в музеях, в государственных коллекциях! А здесь... здесь, наверное, копии в музеях, а подлинники готовят к вывозу!

— Снимай, снимай скорее, — заторопила я, и Зоя принялась фотографировать на телефон: стеллажи, бирки, инструменты, накладные, которые валялись на столе у входа.

Маэстро в клетке вдруг забил крыльями и пронзительно засвистел.

— Какая трогательная сцена, — раздался за нашими спинами вкрадчивый голос.

Мы обернулись. В дверях стоял Меньшов, а рядом — очкарик и двое крепких парней весьма недружелюбного вида. Толстяк улыбался, но глаза его были холодны как лёд.

— Признаюсь, вы меня удивили, дамы, — продолжал он, неторопливо входя. — Я был уверен, что вы забьётесь в какую-нибудь нору в городе. А вы взяли и сами пришли ко мне. Избавили от хлопот.

— Полиция уже едет, — блефовала я, незаметно нащупывая в кармане телефон. — Мы всё рассказали.

— Лжёте, голубушка, — мягко покачал головой Меньшов. — Если бы вы обратились в полицию, то не полезли бы сюда с среди цветов. Канарейка по-прежнему обожала классику и заливалась трелями всякий раз, когда я включала радио. Только теперь в его песнях не было никаких шифров — лишь чистая, светлая музыка.

— Ну что, герой, — сказала я как-то вечером, насыпая Маэстро отборного корма, который теперь могла себе позволить. — Кто бы мог подумать, что обычная посылка перевернёт всю мою жизнь.

Маэстро склонил головку набок, посмотрел на меня умными глазками-бусинками и выдал такую залиvistую, радостную трель, что зашедшая на чай Зоя засмеялась:

— Кажется, он говорит, что ни о чём не жалеет.

— И я не жалею, — улыбнулась я, глядя на маленького пернатого героя. — Ни капельки.

За окном догорал закат, в магазине пахло розами и кофе, а канарейка под прикрытием пела свою победную арию — теперь уже без всяких тайн.

Шиншилла мадам Боржоми

Глава 1. Странное завещание

Если бы мне неделю назад кто-нибудь сказал, что я, Стелла Подкопаева, учительница музыки с зарплатой, на которую можно купить разве что приличный кусок колбасы и пакет гречки, окажусь наследницей особняка, я бы покрутила пальцем у виска. А потом ещё раз покрутила, для надёжности. Но судьба, эта капризная дамочка с чувством юмора кладбищенского сторожа, распорядилась иначе.

Всё началось с письма в дорогом конверте кремового цвета. Я как раз отчитывала своего ученика Петечку Свистунова, который вместо гаммы выдавал такие звуки, будто кота прищемили дверью.

— Петя, — сказала я, потирая виски, — Шопен в гробу переворачивается.

— А кто такой Шопен? — невозмутимо поинтересовался Петечка, ковыряя в носу с упорством археолога.

В этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял курьер — молодой человек с лицом, выражавшим вселенскую скорбь, словно он доставлял не письмо, а похоронный венок.

— Подкопаева Стелла Аркадьевна? — спросил он, заглядывая в планшет.

— Допустим, — осторожно ответила я.

Мало ли. В наше время чем чёрт не шутит — может, я три кредита взяла во сне и теперь должна банку сумму, равную бюджету небольшой африканской страны.

— Распишитесь.

Я расписалась, выпроводила Петечку (который, уходя, наступил мне на любимый тапок) и вскрыла конверт. Внутри оказалось приглашение от нотариальной конторы «Зильберман и партнёры» с просьбой явиться для оглашения завещания гражданки Боржоми Александры Викентьевны.

Боржоми... Я наморщила лоб. Это имя всплывало где-то в дальних закоулках памяти, как минеральная вода всплывает пузырьками. Ах да! Двоюродная тётка моей покойной бабушки. Я видела её один раз в жизни, лет в семь, когда меня привезли в её огромный дом. Помню только, что она угостила меня шоколадными конфетами и сказала: «А девочка-то с характером. Это хорошо. Бесхарактерных жизнь сжирает с потрохами».

И вот теперь она умерла. А меня зачем-то приглашают на оглашение завещания.

— Странно, — пробормотала я кошке Мурзилке, которая разлеглась на пианино с видом оперной примадонны. — С какой стати я там нужна?

Мурзилка зевнула, демонстрируя полное равнодушие к моим финансовым перспективам.

Контора «Зильберман и партнёры» располагалась в центре города, в здании, где даже воздух пах деньгами и дорогим парфюмом. Я пришла в своём лучшем платье — том самом, синем, которое надевала на все торжественные случаи последние пять лет, и чувствовала себя курицей, забредшей на выставку павлинов.

В приёмной уже толпились люди. Атмосфера была накалена так, что хоть яичницу жарь. Я сразу поняла — это родня покойной. Они смотрели друг на друга с такой любовью, с какой кошка смотрит на собаку.

— А вы, простите, кто? — налетела на меня дама лет пятидесяти, упакованная в норковую шубу, несмотря на то что на улице стоял мягкий сентябрь. Лицо у неё было такое, будто она с рождения нюхала что-то крайне неприятное.

— Стелла Подкопаева, — представилась я.

— Подкопаева? — Дама прищурилась. — Не припомню такой родственницы.

— Это Зинаида, племянница Александры, — шепнул мне худощавый мужчина с бегающими глазками, незаметно подобранный сбоку. — А я Аркадий, её внучатый племянник. А вы, значит, тоже того... за куском пирога?

— Я вообще не понимаю, что здесь делаю, — честно призналась я.

— Все мы тут делаем одно и то же, — хмыкнул Аркадий. — Ждём, кому достанется состояние старухи. А денег у неё, между прочим, как у дурака фантиков. Особняк, счета, антиквариат...

Глаза у него заблестели нехорошим, жадным огоньком. Мне сразу захотелось пересчитать свои пуговицы — на всякий случай.

Из кабинета вышел сухонький старичок в безупречном костюме — сам нотариус Зильберман. Он окинул собравшихся взглядом доктора, осматривающего безнадёжных пациентов.

— Прошу всех войти. Будем оглашать последнюю волю Александры Викентьевны.

Мы расселись в кабинете, обитом дубовыми панелями. Родственники заняли передние стулья, отпихивая друг друга локтями с грацией пассажиров маршрутки в час пик. Я скромно притулилась в уголке.

Зильберман надел очки, развернул документ и откашлялся.

— «Я, Боржоми Александра Викентьевна, находясь в здравом уме и твёрдой памяти...»

— Это бабушка-то в здравом уме? — фыркнула Зинаида. — Она в последние годы с кошками разговаривала!

— С шиншиллой, — поправил Зильберман ледяным тоном. — И прошу не перебивать.

Зинаида поджала губы.

— «...завещаю всё своё движимое и недвижимое имущество, а также денежные средства на всех счетах...»

В комнате повисла тишина, какая бывает только перед взрывом. Все подались вперёд. Аркадий вцепился в подлокотники так, что побелели костяшки.

— «...моей любимой шиншилле по кличке Пушок».

Тишина лопнула, как мыльный пузырь.

— ЧТО?! — взвилась Зинаида. — Какому ещё Пушку?!

— Это что, шутка? — побагровел толстый мужчина в углу, которого, как я потом узнала, звали Гена.

— Грызуну! Она оставила всё грызуну! — Аркадий схватился за голову.

Зильберман невозмутимо поднял руку, призывая к тишине.

— Позвольте дочитать. «А уход за Пушком, а также управление имуществом до момента естественной кончины животного я поручаю Стелле Аркадьевне Подкопаевой, которую считаю единственным честным человеком в нашей родне».

Все головы синхронно повернулись в мою сторону. Если бы взглядом можно было убивать, меня бы уже выносили вперёд ногами.

— Кто это вообще такая?! — заорала Зинаида.

— Я... я не знаю... — пролепетала я, вжимаясь в стул. — Я учительница музыки. Я её видела один раз в детстве!

— Самозванка! — взвизгнул кто-то.

— Аферистка! Втёрлась в доверие к старухе!

Я открыла рот, чтобы возразить, но не успела. Зильберман снова постучал по столу.

— Тихо! Воля покойной не обсуждается. Стелла Аркадьевна обязана проживать в особняке и осуществлять уход за животным. В случае отказа имущество переходит в собственность приюта для бездомных животных. Никому из присутствующих, — он обвёл родственников многозначительным взглядом, — не достаётся ничего.

Это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Родня загомонила, как стая разъярённых гусей.

— Мы это так не оставим! — Зинаида ткнула в меня пальцем с длинным алым ногтем. — Будем оспаривать в суде! Эту бумажку состряпали мошенники!

— Воля заверена надлежащим образом и подкреплена видеозаписью, — спокойно парировал нотариус. — Александра Викентьевна предвидела вашу реакцию.

Аркадий подошёл ко мне вплотную. От него пахло дешёвым коньяком и большими неприятностями.

— Послушай, милочка, — тихо проговорил он, и от его улыбки у меня по спине пробежал холодок. — Ты в этом деле человек случайный. Откажись по-хорошему, и мы тебе отстегнём процент. По-семейному. А будешь упрячиться...

Он не договорил, но и так было ясно. Угроза повисла в воздухе, густая и липкая.

— Что — а будешь упрячиться? — переспросила я, и собственный голос показался мне чужим.

Бабушка Александра ведь не зря написала про характер. Видимо, она во мне что-то разглядела ещё тогда, тридцать лет назад, за тарелкой шоколадных конфет.

Аркадий не ответил. Только усмехнулся и отошёл.

После оглашения Зильберман задержал меня в кабинете.

— Стелла Аркадьевна, я обязан проводить вас в особняк и передать вам Пушкина, а также ключи и документы. Прошу вас отнестись к делу серьёзно. — Он понизил голос. — Александра Викентьевна была не только богатой, но и очень умной женщиной. Она знала, что делает. И, между нами говоря, она не доверяла своей родне ни на грош.

— Но почему я? — снова спросила я.

— На это могла ответить только покойная. — Нотариус развёл руками. — Возможно, вы ей чем-то приглянулись. Возможно, она навела о вас справки. Так или иначе, выбор сделан.

Он протянул мне массивную связку ключей. Они оказались неожиданно тяжёлыми — будто я брала на себя не уход за грызуном, а вес целой чужой жизни.

Особняк Боржоми оказался ещё больше, чем сохранила моя детская память. Трёхэтажный дом с колоннами, окружённый парком, с фонтаном перед входом и оранжереей сбоку. У меня перехватило дыхание. В таких домах живут в кино, а не обычные учительницы музыки, у которых отопление зимой работает через раз.

Меня встретила экономка — сухопарая женщина с лицом, словно вырезанным из старого дерева.

— Глафира Петровна, — представилась она, оглядывая меня без особого восторга. — Веду хозяйство в этом доме двадцать лет. Идёмте, покажу вам зверя.

Пушок жил в просторной клетке в гостиной. Это был очаровательный серый комочек с огромными чёрными глазами, пушистым хвостом и забавными усиками. Увидев меня, он встал на задние лапки и посмотрел так внимательно, будто оценивал, гожусь ли я в няньки.

— Привет, — сказала я и просунула палец сквозь прутья.

Пушок понюхал его и неожиданно лизнул. Сердце моё растаяло, как масло на сковородке.

— Странно, — заметила Глафира Петровна. — Он чужих не жалуется. Александрю Викентьевну только и подпускал. — Она помолчала. — Видать, чует хорошего человека.

— А вы давно знаете эту семью? — спросила я.

— Достаточно, чтобы посоветовать вам быть осторожной, — мрачно ответила экономка. — В этом доме у стен есть уши. А у наследников — длинные руки. Денег тут крутится столько, что за них любого закопают и не поморщатся. — Она пристально посмотрела на меня. — Вы кушать будете? Я ужин приготовила.

Ночью я долго не могла уснуть в огромной спальне с кроватью под балдахином. За окном шумел ветер, где-то скрипели половицы. Дом жил своей таинственной жизнью, полной шорохов и теней.

Я думала о словах Аркадия. О взгляде Зинаиды. О предупреждении Глафиры Петровны. И о том, что я, простая учительница музыки, влипла во что-то очень большое и очень опасное.

В дверь моей спальни тихо постучали. Я подскочила на кровати, сердце заколотилось.

— Кто там? — спросила я дрожащим голосом.

Тишина. Я набралась смелости, накинула халат и открыла дверь. В коридоре никого не было. Только на полу лежал сложенный вчетверо листок бумаги.

Я подняла его дрожащими руками и развернула. Корявыми печатными буквами было выведено:

«УЕЗЖАЙ, ПОКА ЦЕЛА. ШИНШИЛЛЕ НЕДОЛГО ОСТАЛОСЬ. И ТЕБЕ ТОЖЕ».

Я почувствовала, как ледяная рука сжала мне сердце. Кто-то ходил по дому ночью. Кто-то желал мне зла. И, что хуже всего, кто-то угрожал бедному Пушки.

Я бросилась обратно в спальню, заперла дверь на ключ и прижалась к ней спиной. В тишине дома мне слышались удаляющиеся шаги — мягкие, осторожные.

«Что ж, бабушка Александра, — подумала я, глядя на зловещую записку. — Ты говорила, что я с характером. Похоже, мне придётся это доказать. И начну я с того, что выясню, кто из этой милой родни решил поиграть в убийцу».

За окном где-то ухнула сова. А я поняла, что моя спокойная жизнь учительницы музыки закончилась. Началась совсем другая история — со старинным особняком, наследством, угрозами и одним очень пушистым свидетелем, который пока ещё даже не подозревал, что на него открыли охоту.

Глава 2. Покушение на грызуна

За неделю жизни в особняке я успела убедиться в трёх вещах. Во-первых, что роскошь — штука обманчивая: в моей огромной спальне ночью так дуло из старинных окон, что я спала в шерстяных носках и шапочке, и выглядела при этом как партизанка на задании. Во-вторых, что Пушок оказался созданием с характером покрупче моего: если ему не нравилось угощение, он демонстративно отворачивался и принимался грызть прутья клетки с видом узника замка Иф. А в-третьих, что меня тут по-прежнему никто не любит, кроме разве что этой пушистой шиншиллы и, кажется, Глафиры Петровны, которая хоть и хмурилась, но кормила меня так, будто я приехала из голодного края.

Записку я никому не показала. Точнее, попыталась было заговорить о ней с экономкой, но та лишь поджала губы и буркнула:

— Я же предупреждала. У стен тут уши, а у некоторых родственничков — руки по локоть в чужих карманах. Заприте дверь покрепче, голубушка, и не выходите ночами.

Совет, конечно, золотой. Только вот характер мой, тот самый, который разглядела покойная Александра Викентьевна, не позволял мне сидеть тихо, как мышь под веником. Я начала потихоньку приглядываться к обитателям дома и к тем, кто заглядывал в гости.

А заглядывали часто. Зинаида приезжала через день, под предлогом, что забыла забрать «мамины» вещи, хотя приходилась покойной всего лишь племянницей. Шастала по комнатам, заглядывала в шкафы и буфеты, а на меня смотрела так, будто я лично выкрала у неё миллион. Аркадий навевался реже, зато всякий раз заводил со мной душевные беседы о том, как тяжело жить честному человеку и как легко решились бы все мои проблемы, согласись я отказаться от наследства в его пользу.

— Подумай, Стеллочка, — мурлыкал он, дыша на меня коньячными парами. — Зачем тебе эта головная боль? Грызун, того гляди, помрёт от старости, а ты останешься без копейки и с подмоченной репутацией.

— Пушок, между прочим, моложе вас, — отвечала я ласково. — И печень у него явно здоровее.

Аркадий мрачнел и уходил.

Был ещё толстый Гена, оказавшийся каким-то седьмым кваском на киселе. Этот вообще говорил мало, всё больше сопел и потел, но взгляд у него был цепкий, как у скупщика краденного.

В тот злополучный вечер я, как обычно, готовила Пушку ужин. За неделю я выучила его вкусы лучше, чем гаммы своих учеников. Шиншиллам, как объяснила мне Глафира Петровна, нельзя ничего жирного, сладкого и сырого — только специальный корм, сено да изредка кусочек сушёного яблока. Но мой подопечный, хитрый зверь, выпросил у меня слабость к овсяному печенью, которое я пекла сама. Самую капельку, на кончик когтя, исключительно по особым случаям.

Я насыпала в его фарфоровую кормушку — да-да, у этой шиншиллы посуда была дороже моего сервиза — порцию корма и пошла на кухню за водой. Вернувшись, застала любопытную картину: Пушок сидел на задних лапках, воротил нос от полной кормушки и смотрел на меня с немым укором, явно требуя печенья.

— Ах ты вымогатель, — засмеялась я. — Ну ладно, держи. Только маленький кусочек, ты у меня скоро в шарик превратишься.

Я достала из кармана халата припрятанное печенье. Пушок вцепился в него обеими лапками и захрустел с таким блаженством, что я невольно умилилась. К корму он в тот вечер так и не притронулся.

А утром началось страшное.

Я спустилась в гостиную и обнаружила, что кормушка по-прежнему полна, зато рядом с клеткой лежитдохлаямышь. Самая обыкновенная серая мышка, которых в старом доме водилось предостаточно. Только вот лежала она кверху лапками, и морда у неё была какая-то совсем нехорошая.

Холодок пробежал у меня по спине. Я наклонилась и присмотрелась к корму. И тут заметила: между обычными гранулами поблёскивали какие-то синеватые крупинки, которых там быть не должно.

— Глафира Петровна! — заорала я так, что с люстры, кажется, посыпалась пыль.

Экономка прибежала, вытирая руки о фартук.

— Что стряслось, голубушка? Пожар?

— Хуже. — Я ткнула пальцем в кормушку, потом в мёртвую мышь. — Посмотрите. Кажется, кто-то отравил Пушка. То есть, хотел отравить.

Глафира Петровна побледнела, наклонилась к корму и понюхала. Лицо её окаменело.

— Крысиный яд, — выдохнула она. — Точно вам говорю, голубушка, я этот запах знаю. Травили мы тут крыс в подвале лет пять назад. Кто-то подсыпал отраву прямо в кормушку.

Меня затрясло. Я представила, что было бы, если бы Пушок не выпросил вчера печенье, а съел этот проклятый корм. Мышь, видимо, ночью забралась в клетку, полакомилась — и вот результат.

— Его спасло овсяное печенье, — прошептала я. — Он отказался от корма из-за печенья.

— Значит, ангел-хранитель у зверя имеется, — мрачно кивнула экономка. — А вот у вас, голубушка, могут быть большие неприятности. Если шиншилла помрёт, наследство уйдёт в приют, а вы окажетесь крайней. Скажут, недоглядела. Или, того хуже, сама и подсыпала.

От этой мысли мне стало совсем дурно. Я опустилась на стул и обхватила голову руками. Кто-то в этом доме хотел убить беззащитного зверька. И этот кто-то ходил среди нас, улыбался, пил чай в гостиной и, может быть, прямо сейчас наблюдал за моей реакцией.

— Надо звонить в полицию, — решила я.

— Звоните, — пожала плечами Глафира Петровна. — Только что вы им покажете? Дожлуюмышьдагорстькорма? Скажут, крысиного яда в старом доме навалом, сам просыпался. Доказательств-то нет.

Я задумалась. Экономка была права. Никто не станет всерьёз расследовать покушение на грызуна. Значит, придётся разбираться самой.

Я аккуратно, надев перчатки для мытья посуды, пересыпала отравленный корм в банку и плотно закрыла крышкой. Вещественное доказательство — раз. Затем оглядела гостиную. Окна закрыты, входная дверь запирается на ключ, который есть только у меня и у Глафиры Петровны. Значит, либо отраву подсыпали днём, когда дом был открыт для визитёров, либо...

— Глафира Петровна, у кого ещё есть ключи от дома?

Экономка нахмурилась, припоминая.

— Раньше комплекты были у многих. Александра Викентьевна, царствие ей небесное, доверчивая была не в меру. Запасной ключ висел в кладовке на гвоздике — для садовника, чтоб он мог зайти инструмент взять. Игнат, садовник наш, до сих пор по участку шастает. Молчун, каких поискать, но дело своё знает.

Садовник. О нём я как-то и не подумала. За неделю я видела его всего пару раз — высокий, плечистый мужчина лет пятидесяти, с обветренным лицом и пронзительными серыми глазами. Он подстригал кусты, копался в оранжерее и ни с кем не разговаривал. Здоровался кивком и тут же отводил взгляд.

— А вчера кто в доме был? — спросила я.

— Так, дайте подумать. — Глафира Петровна загибала пальцы. — Зинаида приезжала, вещи свои искала, копалась в гостиной часа два. Аркадий заглядывал, чаю просил. Гена тоже

мимо проходил, в туалет отлучался. И Игнат заходил — воду в графин менял, он у нас ещё и цветы в доме поливает.

Я едва не застонала. Подозреваемых — полный комплект. Вся родня плюс молчаливый садовник. И каждый из них мог за две минуты подсыпать яд в кормушку, пока остальные отвлеклись.

— Значит, так, — сказала я, поднимаясь и чувствуя, как во мне закипает злость, заглушающая страх. — Раз полиция не поможет, будем действовать своими силами. Пушка я теперь буду кормить только тем, что готовлю сама и держу под замком. Клетку перенесём в мою спальню. А я начну приглядывать за этими милыми родственниками повнимательнее.

Глафира Петровна посмотрела на меня с неожиданным уважением.

— А вы и впрямь с характером, голубушка. Александра Викентьевна знала, кого выбирала.

Весь день я провела как на иголках. Перенесла клетку Пушка к себе, вымыла её до блеска, поставила новую посуду. Зверёк, чувствуя моё волнение, жался ко мне и тихонько попискивал. Я гладила его пушистую спинку и шептала:

— Не бойся, малыш. Я тебя в обиду не дам. Мы с тобой ещё повоюем.

Ближе к вечеру, выйдя в сад подышать, я заметила Игната. Он стоял у оранжереи и смотрел на окна дома — пристально, неподвижно, словно высматривал что-то. Заметив меня, он вздрогнул и поспешно отвернулся, сделав вид, что поправляет розовый куст.

Сердце моё ёкнуло. Что-то в его поведении было не так. Слишком уж нервно он реагировал, слишком старательно избегал моего взгляда. И этот ключ в кладовке...

Я решила, что завтра непременно разузнаю об этом загадочном садовнике побольше. А пока вернулась в дом, накрепко заперла все двери и проверила задвижки на окнах. Пушок уже сладко посапывал в своей клетке, набив пузо моим овсяным печеньем.

— Спокойной ночи, дорогой мой свидетель, — прошептала я. — Кто-то очень хочет, чтобы ты замолчал навсегда. Но я этого не допущу.

За окном снова завывал ветер, а где-то в глубине сада скрипнула калитка. Я подошла к окну и успела заметить тёмную фигуру, скользнувшую вдоль изгороди к оранжерее. Высокую, плечистую фигуру, которую я уже научилась узнавать.

Игнат. Что он делал в саду посреди ночи?

Я стиснула зубы. Завтра. Завтра я загляну в эту его драгоценную оранжерею и выясню, какие тайны прячет молчаливый садовник. Что-то подсказывало мне, что разгадка покушения на Пушка прячется именно там, среди роз и горшков с рассадой.

И, засыпая под боком у мирно похрапывающей шиншиллы, я и не подозревала, насколько близка была к правде. И насколько эта правда окажется неожиданной.

Глава 3. Подозрительный садовник

Утро выдалось солнечным, что совершенно не соответствовало мрачному настрою моих мыслей. Я проснулась с твёрдым намерением проникнуть в оранжерею и выяснить, что там прячет загадочный Игнат. Пушок, как назло, требовал завтрака с настойчивостью голодного крокодила, поэтому первым делом пришлось накормить ненаглядного грызуна. Я сама замочила ему сено, нарезала кусочек сушёного яблочка и проследила, чтобы он всё съел. После вчерашнего я готова была пробовать его еду чуть ли не на язык.

— Кушай, дорогой свидетель, — приговаривала я. — Тебе нужны силы. Нам с тобой ещё ловить злодея.

Пушок в ответ деловито захрустел, глядя на меня круглыми чёрными глазами с таким видом, будто всё понимал и одобрял мои детективные планы.

Глафиры Петровны нигде не было видно. Я обнаружила на кухне записку, что она уехала в город за продуктами и вернётся к обеду. Прекрасно. Лучшего случая обыскать оранжерею и придумать сложно.

Я накинула старую кофту, сунула ноги в резиновые сапоги, найденные в прихожей, и выскользнула в сад. Утренний воздух пах влажной землёй и розами. Оранжерея — изящное сооружение из стекла и кованого железа — притаилась в дальнем углу участка, за разросшимися кустами сирени. Дверь, к моему изумлению, оказалась незапертой.

Внутри царила настоящая зелёная сказка. Повсюду пышно цвели розы всех мыслимых оттенков, в горшках топорщилась рассада, на полках выстроились банки с удобрениями и садовым инвентарём. Пахло так густо и сладко, что у меня закружилась голова. Игната нигде не было — видимо, он отлучился куда-то по своим садовым делам.

— Так-так, — пробормотала я, оглядываясь. — И где же ты прячешь свои тайны, молчун?

Я принялась методично осматривать оранжерею. Заглянула под скамейку, перебрала горшки, проверила полки. Ничего подозрительного, кроме разве что подозрительной чистоты и порядка. Игнат явно был аккуратистом.

В углу, за кадкой с раскидистой пальмой, обнаружился небольшой деревянный сундучок, служивший садовнику чем-то вроде рабочего стола. На нём лежали секатор, моток шпагата и старые перчатки. Я попыталась поднять крышку — заперто. Сердце забилось чаще. Запертый сундук — это всегда интересно.

Я огляделась в поисках ключа и заметила на гвоздике связку. Перебрав ключи дрожащими пальцами, я нашла маленький, подходящий по размеру. Замок щёлкнул неожиданно легко.

Внутри, поверх каких-то квитанций и садовых журналов, лежал паспорт. Я взяла его и раскрыла. С фотографии на меня смотрело знакомое обветренное лицо Игната. Вот только фамилия и имя были совсем не те, что я слышала. «Воронцов Степан Ильич», — значилось в документе. И прописка какая-то дальняя, чуть ли не за тысячу километров отсюда.

— Вот это поворот, — прошептала я, чувствуя, как по спине ползёт холодок.

Игнат жил под чужим именем. Или, наоборот, паспорт был поддельным. В любом случае ничего хорошего это не сулило. Я перевернула страницы и убедилась: документ выглядел странно. Бумага вроде настоящая, а печати какие-то смазанные, фотография приклеена будто наспех. Подложный паспорт. У человека, который имеет доступ ко всему дому, ключ от него и крутится возле наследства.

Руки у меня затряслись по-настоящему. Я хотела уже захлопнуть сундук и бежать, но под паспортом заметила краешек старой фотографии. Любопытство, как известно, сильнее страха, особенно у женщин с характером. Я вытащила снимок.

Чёрно-белая, пожелтевшая от времени фотография. На ней молодой мужчина — без сомнения, Игнат, только лет на двадцать моложе, без морщин и седины, зато с густой шевелюрой и широкой улыбкой. А рядом с ним стояла женщина. Молодая, красивая, в светлом платье. И что-то в её чертах показалось мне до боли знакомым.

Я поднесла снимок к свету и ахнула. Эти глаза, этот разлёт бровей, эта осанка. Женщина была удивительно похожа на портрет, висевший в гостиной особняка, — портрет покойной Александры Викентьевны в молодости. Только подпись на обороте гласила: «Игнат и Аделаида. Лето».

Аделаида. Я где-то слышала это имя. Точно — Глафира Петровна как-то обмолвилась, что у Александры была младшая сестра Аделаида, давным-давно уехавшая за границу и сгинувшая там без вести. Значит, на снимке Игнат стоял в обнимку с сестрой моей покойной благодетельницы. Двадцать лет назад.

В голове у меня всё перемешалось, как в плохо взбитом омлете. Садовник с поддельным паспортом, под чужим именем, который двадцать лет назад был как-то связан с семьёй Боржоми. Что всё это значило? Старый любовник? Мошенник, втёршийся в доверие? Или, может быть, тот самый отравитель, который явился свести давние счёты?

Я так увлеклась разглядыванием снимка, что не услышала шагов за спиной.

— Что вы здесь делаете?

Голос прозвучал глухо и сурово. Я подпрыгнула, выронила фотографию и обернулась. В дверях оранжереи стоял Игнат собственной персоной. Лицо его было бледным, а серые глаза смотрели на меня с таким выражением, что у меня подкосились ноги. Он шагнул вперёд, и я невольно попятилась, прижимая к груди злосчастный паспорт.

— Я... я искала вас, — пролепетала я, лихорадочно соображая, как выкрутиться. — Хотела спросить про... про розы. Для букета.

— Положите паспорт на место, — тихо сказал Игнат, не сводя с меня глаз.

Голос у него был неожиданно мягкий, совсем не вязавшийся с грозным видом. Я сглотнула и положила документ обратно в сундук.

— Кто вы такой? — выпалила я, набравшись храбрости. — Почему живёте под чужим именем? И откуда у вас фотография с сестрой Александры Викентьевны?

Игнат вздрогнул. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — боль, тоска, не знаю. Он наклонился, поднял упавший снимок и долго смотрел на него, словно забыв обо мне.

— Вы лезете не в своё дело, Стелла Аркадьевна, — наконец произнёс он. — Это может плохо кончиться.

— Это угроза? — Я вздёрнула подбородок, хотя внутри всё дрожало. — Как та записка, что мне подсунули? Или как яд в кормушке Пушка?

— Какой яд? — Игнат резко вскинул голову, и на лице его отразилось неподдельное изумление. — Кто-то травил шиншиллу?

То ли он был гениальным актёром, то ли действительно не знал о покушении. Я вгляделась в его лицо. Удивление выглядело искренним. Но разве можно верить человеку с поддельным паспортом?

— Позавчера. Кто-то подсыпал крысиный яд в корм, — сказала я, внимательно следя за его реакцией. — Пушок выжил чудом. А теперь объясните мне, что всё это значит. Иначе я звоню в полицию и показываю им этот ваш интересный документ.

Игнат тяжело опустился на скамейку и провёл ладонью по лицу. Вдруг он показался мне старым и очень усталым.

— Не звоните в полицию, — глухо проговорил он. — Я не сделал ничего дурного. Клянусь. Я приехал сюда не за деньгами. И уж точно не за тем, чтобы травить безответную зверушку.

— Тогда зачем? — не отступала я.

Он долго молчал, глядя на фотографию в своих руках.

— Когда-нибудь я расскажу, — произнёс он наконец. — Но не сейчас. Поверьте мне на слово, Стелла Аркадьевна. В этом доме есть люди куда опаснее старого садовника. Те, кто действительно хочет заполучить наследство любой ценой. Присмотритесь к ним. А меня... меня оставьте в покое.

Я хотела возразить, но в этот момент со стороны дома послышался шум подъезжающей машины. Игнат быстро спрятал паспорт и фотографию обратно в сундук, запер его и сунул ключи в карман.

— Идите в дом, — сказал он. — И берегите шиншиллу. Если её хотели отравить, попробуют снова.

Я выскочила из оранжереи в полном смятении. Возле особняка стоял знакомый автомобиль — приехала Зинаида. В норковой шубе, несмотря на тёплый день, она вылезла из машины с таким выражением лица, будто явилась принимать капитуляцию.

— А, новая хозяйка, — процедила она, завидев меня. — Всё нянчишься со своей крысой? Смотри, как бы она не околела. С грызунами это быстро.

В её словах прозвучало что-то такое, что заставило меня насторожиться. Откуда такая уверенность? Я промолчала, но мысленно поставила галочку. Зинаида знала о здоровье Пушка больше, чем следовало.

Весь оставшийся день я ходила сама не своя. В голове крутились обрывки увиденного и услышанного. Поддельный паспорт Игната. Старая фотография с Аделаидой. Загадочные намёки садовника о людях опаснее его. Подозрительная осведомлённость Зинаиды. Всё это никак не складывалось в единую картину.

Вечером, уложив Пушка спать, я снова достала ту зловещую записку и принялась её разглядывать. Корявые печатные буквы. Я сравнила их в памяти с тем, что успела заметить в садовых журналах Игната, — там почерк был аккуратный, мелкий, совсем другой. Значит, записку писал не он. Или специально изменил почерк.

Я уже собиралась лечь, когда в дверь тихонько постучала вернувшаяся Глафира Петровна.

— Голубушка, не спите? — Она проскользнула в комнату и притворила дверь. — Я тут в городе кое-что разузнала. Про садовника нашего.

— Про Игната? — Я подобралась. — Что именно?

— А то, что никакой он не Игнат, — зашептала экономка, оглядываясь, словно стены и впрямь имели уши. — Я давно подозревала. Приехал лет пять назад, документы какие-то мутные. А самое странное — Александра Викентьевна, как его увидела, чуть в обморок не упала. А потом взяла на работу без всяких разговоров и платила вдвое против обычного. Будто чувствовала вину какую перед ним.

Сердце моё застучало. Кусочки головоломки начинали понемногу сходиться, хотя общая картина по-прежнему ускользала.

— Глафира Петровна, — медленно проговорила я, — а что вы знаете об Аделаиде, сестре Александры?

Экономка переменялась в лице.

— Откуда вы про неё знаете? — выдохнула она. — Это же старая семейная тайна. Аделаида сбежала из дома совсем молоденькой, был большой скандал. Александра Викентьевна всю жизнь её искала и винила себя в чём-то. А в чём — не говорила никому. Уносила секрет с собой.

Я посмотрела в окно, на тёмный сад, где в оранжерее всё ещё горел тусклый огонёк. Игнат не спал. Сидел там со своими тайнами, паспортом на чужое имя и старой фотографией.

— Кажется, Глафира Петровна, — сказала я тихо, — этот секрет вот-вот выплывет наружу. И что-то мне подсказывает, что начинать разгадку надо со старой беседки в глубине сада. Помните, Игнат всё время крутится возле неё?

Экономка побледнела и перекрестилась. А я твёрдо решила: завтра я доберусь до этой беседки. И до правды, которая, чувствовала я, окажется куда удивительнее любых моих догадок.

Глава 4. Тайна старой беседки

Спала я в ту ночь отвратительно. Снились мне поддельные паспорта, которые сами собой превращались в шиншиллы, а те, в свою очередь, грозили мне лапками и шипели голосом Зинаиды. Проснувшись чуть свет с твёрдым ощущением, что я не выспалась, а отбыла трудовую повинность, я первым делом проверила Пушка. Зверёк был жив, здоров и требовал завтрака с настойчивостью кредитора.

— Сегодня большой день, дорогой свидетель, — сообщила я ему, нарезая яблочко. — Мы с тобой идём раскапывать тайны. Точнее, копать буду я, а ты будешь морально поддерживать.

Старая беседка пряталась в самой глуши запущенного сада, за прудом, затянутым ряской. Это было полуразрушенное сооружение с облупившимися колоннами и провалившейся крышей, увитое диким виноградом так густо, что издали напоминало мохнатый зелёный холм. Александра Викентьевна, как рассказала Глафира Петровна, любила сидеть здесь в молодости. А в последние годы запретила кому бы то ни было сюда ходить и распорядилась беседку не трогать.

Я прихватила из сарая лопату, фонарик и, оглядевшись по сторонам, как заправский кладоискатель, нырнула под виноградные плети. Внутри пахло сыростью, прелыми листьями и тленом. Пол был дощатый, кое-где доски совсем сгнили и провалились.

— Если Игнат тут всё время крутится, значит, что-то прячет, — рассуждала я вслух, чтобы было не так страшно. — Или, наоборот, что-то охраняет.

Я принялась простукивать доски каблуком. Большинство отзывались глухо — под ними была земля. Но одна, в дальнем углу, под старой скамьёй, прозвучала иначе — звонко, будто под ней была пустота. Сердце моё подпрыгнуло. Я опустила на колени, поддела доску лопатой, и она поддалась на удивление легко, словно её уже не раз поднимали.

Под доской обнаружилось углубление, а в нём — обёрнутая клеёнкой шкатулка. Старинная, палисандрового дерева, с потускневшей бронзовой застёжкой. Руки у меня затряслись, когда я её доставала. Вот оно. То, ради чего кто-то ночами бродил по саду.

Я уже потянулась к застёжке, как вдруг за спиной хрустнула ветка. Я обернулась, прижимая шкатулку к груди, словно курица единственное яйцо.

В проёме беседки стоял Аркадий. И улыбка у него была такая, что молоко бы скисло на расстоянии километра.

— Так-так, — протянул он, поигрывая тростью, которой раньше я у него не видела. — А наша скромная учительница музыки, оказывается, та ещё кладоискательница. Что это у нас тут? Никак нашла бабкин тайник?

— Не ваше дело, — отрезала я, лихорадочно соображая, как бы прошмыгнуть мимо него к выходу. — Идите своей дорогой, Аркадий.

— Отдай шкатулку по-хорошему, — он шагнул вперёд, и улыбка сползла с его лица, обнажив нечто хищное. — Я давно знаю, что старуха что-то прятала в этой развалюхе. Все её бумаги, завещания, тайны. Я тут каждую доску перерыл, а нашла, выходит, ты. Спасибо, конечно, но дальше я сам.

— Это вы подсыпали яд Пушку! — выпалила я, и от собственной догадки у меня перехватило дыхание. — И записку подсунули!

— Записку? — Он искренне удивился, и я поняла, что насчёт записки ошиблась. — Никаких записок я не писал, голубушка. А вот насчёт остального... Знаешь, грызун здорово мешает. Сдохнет крыса — наследство в приют, приют я по знакомству прижму, и денежки потихоньку ко мне перетекут. Схема надёжная. Жаль, ты влезла.

Он надвигался на меня, и я попятилась, пока не упёрлась спиной в гнилую колонну. Бежать было некуда. И тут произошло сразу несколько событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.